

ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ЧИТАЙТЕ

В ЭТОМ НОМЕРЕ

С. Зубатов

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДОГМАТИЗМ

СТР. 2 - 20

Ю. Михайлович

ГИТЛЕРОВСКАЯ АГРЕССИЯ
И «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА» -
РАЗНАЯ ФОРМА,
А СУТЬ ОДНА

СТР. 21 - 30

В. Подгузов

УМЕЕМ ЛИ МЫ
БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМИ?

СТР. 31 - 46

А. Лбов

ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ
В ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЕ

СТР. 47 - 55

А. Калистов

«...ПОКОЙ НАМ
ТОЛЬКО СНИТСЯ»

СТР. 56 - 61

GEGEN DIE STROMUNG

УБЕЖДАЮЩИЕ
АРГУМЕНТЫ
ЗА КОММУНИЗМ

СТР. 61 - 66

СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННОГО ЛЕВОГО ДВИЖЕНИЯ В ПЕРВОМ МИРЕ

С. Зубатов

От редакции: Мы продолжаем публикацию обзора состояния левого движения в развитых капиталистических странах, характеризующегося сегодня такими основными пороками, как социал-шовинизм, псевдомарксистский экономический догматизм, буржуазный либерализм и политический утопизм. Первая из этих тенденций — социал-шовинизм была рассмотрена в прошлом номере нашего журнала. В этом номере мы публикуем первую часть главы, посвящённой экономическому догматизму, играющему свою роль как в попытках обосновать «справедливость» социал-шовинистического взгляда на мир, так и в общей дезориентации левых сил, направлении их на ложные цели, ведущие не к радикальному революционному переустройству общества на социалистических началах, а к современному луддизму, к борьбе, направленной скорее против дальнейшего развития производительных сил и за возврат в изрядно приукрашенное прошлое, чем за прорыв в свободное от эксплуатации и любых других видов угнетения будущее.

2. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДОГМАТИЗМ (часть 1)

Предыстория

Свой главный экономический труд — «Капитал» — Карл Маркс написал в качестве критики современной ему политической экономии. (В русских изданиях эта книга обычно даже имеет подзаголовок «Критика политической экономии».) Этот факт — общеизвестный. Однако далеко не все ясно представляют себе, **зачем** Маркс это сделал. Разумеется, практически каждый в ответ на подобный вопрос тут же не задумываясь скажет что-нибудь вроде: «Чтобы вооружить пролетариат в его борьбе знаниями...» и далее по тексту того или иного учебника истории. И это будет, конечно, формально правильным ответом, но при этом никак не раскрывающим причин, **почему** эти знания вооружают пролетариат. И почему именно пролетариат, а не буржуазию? Неужели более адекватная экономическая теория, точнее описывающая происходящие в обществе процессы, пойдёт во вред буржуазии, а не наоборот — поможет ей ещё эф-

фективнее вести капиталистическое хозяйство, не укажет ей загодя на те подводные камни, которые следует тщательно обходить?

И правда, в какой-то мере Маркс действительно помог буржуазии: его критика дала объяснение многим негативным явлениям капитализма — таким, например, как периодические кризисы — и, тем самым, заложила основы, на которых новое поколение буржуазных экономистов построило теории (и достаточно успешные, надо признать) преодоления этих негативных явлений. Однако не стоит торопиться обвинять основоположника марксизма в том, что это благодаря ему капитализм в XX веке достиг определённой степени сбалансированности, преодолел — по крайней мере временно — пороки, считавшиеся непреодолимыми, и, в конечном итоге, провёл общество через ещё один этап бурного развития, отличный от коммунистического. Не стоит, потому что всё это — заслуги не Маркса, а всё же именно **буржуазных** экономистов, ко-

торые хотя и использовали многие из его достижений, но были при этом совершенно независимыми (и ничуть не менее талантливыми) исследователями. И которые вне всякого сомнения рано или поздно и своими силами дошли бы до всего того, что они позаимствовали у Маркса. Тем более, что последний, строго говоря, не построил всеобъемлющей теории капитализма, которая позволяла бы черпать в себе какие-то более или менее обоснованные идеи по его улучшению. Несмотря на солидный объём, «Капитал» всё же является именно *критикой* буржуазной политэкономии, предлагающей весьма обстоятельный анализ некоторых её **частных** аспектов, но отнюдь не давая при этом общей картины*.

Следует ли расценивать сказанное как какое-то «принижение» заслуг Маркса? Конечно, те, кто привык относиться к нему как к эдакому «непревзойдённому гению», создателю чуть ли не «универсальной теории всего», именно так и решат. Однако если относиться к Марксу так, как к нему и надлежит относиться — как к действующему политику, озабоченному не «абстрактным знанием», а конкретными практическими потребностями революционной борьбы, то становится достаточно очевидным, что он и не мог ставить перед собой задачи исчерпывающего описания капитализма: в конце концов, его главной целью была всё же *ликвидация* этого строя, что диктовало скорее углублённое исследование его слабостей, которые можно было бы использовать в борьбе, чем более развёрнутое (и, что немаловажно, требующее **значительно** больше времени и сил) исследование всех его аспектов во всей их взаимосвязи.

В таком случае, в чём же заключается основное достижение Маркса в области политической экономии? Оно — в наглядной демонстрации того, каким именно образом реализуется эксплуатация человека человеком при капитализме, в неопровержимом доказательстве как самого факта наличия этой эксплуатации, так и принципиальной невозможности её преодоления в рамках существовавшей капиталистической системы.

Действительно ли это открытие является

столь значимым? Да, действительно. Но чтобы по достоинству оценить всю его значимость, нужно вспомнить, в каких именно исторических условиях был написан «Капитал». Это было время повсеместной победы буржуазных революций, время, когда лозунг «Свобода, равенство, братство!» всё ещё воспринимался как сугубо **буржуазный лозунг**, когда само понятие эксплуатации прочно связывалось с отмирающим феодальным строем, а капитализм представлялся обществом, где полностью отсутствует принуждение, обществом поистине равных возможностей, где только от самого человека и его трудолюбия зависит успех в жизни, где каждый — полноправный и **равноправный** кузнец своего счастья. Одним словом, капитализм представлялся тогда если и не совсем раем на земле, то уж максимально возможным к нему приближением — точно.

В **этих** условиях открытие явления капиталистической эксплуатации и исследование его природы явилось достижением величайшей важности, причём таким, которое буржуазные экономисты постарались бы всячески затушевать, даже если бы им и пришлось в той или иной форме явно выделить его в своих теориях. Научно обосновав имманентно эксплуататорский характер капитализма и сделав это знание всеобщим достоянием, Карл Маркс разрушил миф о капитализме, как «обществе социального партнёрства», равно учитывающем интересы всех классов, обществе, в котором в любых бедах человека, и прежде всего — в его бедности, всегда повинен лишь он сам. Именно в этом — в объективном научном обосновании того, что для радикального улучшения своего положения рабочему человеку требуется не индивидуально «работать лучше» и даже не организованно «добиваться более справедливого распределения», а в корне менять сами принципы организации системы общественного производства, и заключается заслуга Маркса перед мировым пролетариатом.

Другим значительным достижением Маркса можно считать вывод о тупиковости дальнейшего развития капитализма. Это достижение, однако, далеко не столь однозначно. В принципе,

* Какие-то наброски этой картины — того, что сегодня принято называть *макроэкономической моделью* — можно найти в третьем томе «Капитала». Однако это — действительно не более, чем наброски, скорее план исследования, чем само исследование. К тому же, в свете дальнейшего развития экономики, предложенный там подход представляется не вполне адекватным.

вывод этот столь же корректен, сколько и вывод о существовании капиталистической эксплуатации, но, как нам наглядно показал исторический опыт, сделанное Марксом на его основе заключение о неизбежности смены капитализма коммунизмом оказалось неверным. Капитализм — **в том виде, в каком описал его Маркс** — действительно был обречён, но из этой обречённости, как выяснилось, вовсе не следовала невозможность его трансформации*, революционно, по существу, превращения из *классического* в *современный капитализм*, который, во-первых, оказался в состоянии обеспечить дальнейший — и при этом весьма стремительный — рост производительных сил на протяжении ещё по крайней мере полутора веков, а во-вторых, (что как раз и доказывает его успехом вопреки утверждениям марксистской теории) **не** описываемый экономической моделью Маркса. (Что, впрочем, и неудивительно, поскольку Маркс свою модель строил лишь на тех данных, которые были доступны ему, а ни один человек, знакомый хотя бы с азами диалектики, не станет ожидать ни от какой, даже самой лучшей модели, что она будет продолжать адекватно описывать реальность вечно.)

К сожалению, клянущиеся в следовании диалектике современные марксисты на деле отличаются скорее догматическим, чем диалектическим подходом к экономике. Марксистская политэкономия превратилась для них из инструмента, требующего постоянной коррекции в связи с изменением объективной экономической реальности, в набор «священных текстов», под «постулаты» которых они старательно пытаются эту реальность подгонять. Причём здесь мы можем обнаружить сразу два методологически различных направления догматизации. Во-первых, экономическая модель Маркса часто применяется для анализа процессов, которые хотя и являются развитием процессов, описываемых ею, но реально уже давно вышли за пределы её применимости. Во-вторых, ещё чаще она трактуется именно как модель, якобы описывающая **все** процессы, проходящие в капиталистической эконо-

мике — что ведёт к полному игнорированию или (в лучшем случае) тривиализации явлений, важность которых в функционировании экономики со времён классического капитализма неимоверно возросла. И наоборот — никак не обоснованное выпячивание тех явлений, реальный эффект которых за это время значительно снизился.

Ниже мы подробно рассмотрим область применимости классической марксистской модели и выявим конкретные экономические явления, которым она **не** даёт адекватного объяснения либо по причине выхода этих явлений за пределы исходных допущений модели, либо потому, что эти явления — как малосущественные во времена Маркса (или несущественные для решения тех задач, которые он перед собой ставил) — не были отражены в ней вообще. Затем мы попытаемся хотя бы вчерне заполнить некоторые из этих пробелов. Наконец, в завершение мы разберём основные экономические заблуждения современного марксизма, основанные на догматическом прочтении Маркса.

Область применимости классической марксистской политической экономии

Мы не собираемся здесь проводить подробный разбор всех аспектов марксистской экономической модели, хотя, в принципе, каждый из них наверняка накладывает какие-то свои ограничения на область её применимости. Эти ограничения, однако, представляются нам достаточно мелкими по сравнению с теми фундаментальными ограничениями, которые вытекают из самого основания марксистской политэкономии — *теории стоимости*. Поэтому начнём мы именно с её разбора.

а) Трудовая теория стоимости

Прежде всего, следует отметить, что с самого начала Маркс говорит сразу о двух «стоимостях»: *потребительной стоимости* и «просто»

* В статье «Что делать?» (см. сайт www.proriv.ru) мы обосновали точку зрения, почему современный экономический строй в странах первого (а частично и третьего) мира уже, строго говоря, не является капитализмом и должен рассматриваться как совершенно особая экономическая формация. Здесь мы, однако, дабы не отвлекать внимания на непривычную терминологию, будем по-прежнему ссылаться на него как на «современный капитализм» — в противовес «классическому капитализму», рассмотренному Марксом.

стоимости. Этот не вполне удачный выбор терминологии — использование одного и того же слова, пусть и с поясняющим эпитетом в одном случае, для обозначения принципиально различных понятий — сразу же привёл к известной путанице в головах некоторых из его читателей. И путаница эта лишь усугубилась благодаря не менее неудачному введению этих понятий, данному в первой главе «Капитала», где они вводятся не в их естественной логической последовательности, а начиная почему-то с понятия товара:

Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как «огромное скопление товаров», а отдельный товар — как элементарная форма этого богатства. Наше исследование начинается по этому анализом товара.

Данное утверждение, вообще говоря, неверно. Неверно согласно... самому Карлу Марксу. Достаточно сравнить его с утверждениями, следующим несколько ниже:

Потребительные стоимости образуют вещественное содержание богатства, какова бы ни была его общественная форма.

Т.е. отнюдь не товары, а потребительные стоимости составляют всё общественное богатство, причём не только при капитализме, но и при любой форме общества вообще. Однако, может быть как раз при капитализме товар — это просто синоним потребительной стоимости? Что ж, посмотрим, что пишет Маркс о товаре:

Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая, благодаря её свойствам, удовлетворяет какие-либо человеческие потребности. Природа этих потребностей — порождаются ли они, например, желудком или фантазией — ничего не изменяет в деле.

Определение это уже само по себе содержит одну неточность, причём очень существенную для нас неточность, однако к ней мы вернёмся несколько позже. Пока же нас интересует, что именно понимает Маркс под потребительными стоимостями:

Полезность вещи делает её потребительной стоимостью.

Таким образом, товар действительно является потребительной стоимостью. Но из этого ещё не следует, что любая потребительная стоимость является товаром. Посмотрим, что дальше пи-

шет Маркс о потребительных стоимостях:

При той форме общества, которая подлежит нашему рассмотрению, они [потребительные стоимости] являются в то же время вещественными носителями меновой стоимости.

Здесь мы впервые встречаем понятие меновой стоимости, которая через несколько абзацев трансформируется в «просто» стоимость:

Таким образом, то общее, что выражается в меновом отношении, или меновой стоимости товаров, и есть их стоимость.

Для завершения картины остаётся добавить лишь следующий пассаж и мы, казалось бы, получим ровно то, что и хотим:

Рассмотрим теперь, что же осталось от продуктов труда. От них ничего не осталось, кроме одинаковой для всех прозрачной предметности, простого сгустка лишённого различий человеческого труда, т.е. затраты человеческой рабочей силы безотносительно к форме этой затраты. Все эти вещи представляют собой теперь лишь выражения того, что в их производстве затрачена человеческая рабочая сила, накоплен человеческий труд. Как кристаллы этой общей им всем общественной субстанции, они суть стоимости — товарные стоимости.

И из сказанного создаётся устойчивое впечатление, что, «согласно Марксу», действительно, при капитализме все потребительные стоимости являются товарами. При этом их стоимость определяется количеством вложенного в их производство труда. Именно (или примерно) так и понимают большинство современных левых трудовую теорию стоимости. К сожалению (для их «стройной картины» капитализма) если бы они потрудились почитать «Капитал» чуть повнимательнее, они с удивлением обнаружили бы, что сам Маркс понимал её несколько иначе. В самом конце цитируемого нами подраздела он пишет:

Вещь может быть потребительной стоимостью и не быть стоимостью. Так бывает, когда её полезность для человека не опосредствована трудом. Таковы: воздух, девственные земли, естественные дуга, дикорастущий лес и т.д. Вещь может быть полезной и быть продуктом человеческого труда, но не

быть товаром. Тот, кто продуктом своего труда удовлетворяет свою собственную потребность, создаёт потребительную стоимость, но не товар. Чтобы произвести товар, он должен произвести не просто потребительную стоимость, но потребительную стоимость для других, общественную потребительную стоимость.

Из чего явно следует, что всё же **не любые** потребительные стоимости являются товарами («просто» стоимостями) — т.е. вопреки утверждению, с которого мы начали наш разбор «огромное скопление товаров» составляет отнюдь не всё богатство общества — даже при капитализме, а лишь какую-то его часть. При этом Маркс выделяет два принципиально различных класса потребительных стоимостей, не являющихся товарами: те, что были созданы природой без какого бы то ни было трудового участия со стороны человека, и те, что были созданы человеческим трудом, но при этом не поступили на рынок. Рассмотрим оба эти класса по отдельности.

Нетоварные потребительные стоимости природного происхождения. На первый взгляд, утверждение, что такого рода потребительные стоимости на обладают стоимостью кажется просто абсурдным: ведь любой природный ресурс — нефть, например, или тот же дикорастущий лес — является товаром и его стоимость определяется в процессе рыночного обмена точно так же, как и любого другого товара. Однако это — лишь на первый взгляд. На самом деле на рынок обычно поступает не просто нефть, как таковая, а уже **добытая** нефть, а значит — потребительная стоимость, в производство которой **был вложен** человеческий труд, а именно: труд на её добычу. Подобный взгляд на вещи, однако, оставляет открытым вопрос, действительно ли труд, (прямо или косвенно) вложенный в её до-

бычу, составляет **всю** её стоимость или же какая-то часть этой стоимости имеет иной, «нетрудовой» источник? Маркс утверждает, что верно первое предположение. На данном этапе мы пока согласимся с ним, но позже ещё вернёмся к этому вопросу.

Нетоварные потребительные стоимости трудового происхождения. Путаница с тем, что именно следует считать таковыми возникла практически сразу же. Причём путаница настолько стойкая, что Энгельс даже вынужден был в очередном (четвёртом) издании «Капитала» сделать специальную приписку к процитированному нами месту:

*И не только для других вообще. Часть хлеба, произведённого средневековым крестьянином, отдавалась в виде оброка феодалу, часть — в виде десятины попом. Но ни хлеб, отчуждавшийся в виде оброка, ни хлеб, отчуждавшийся в виде десятины, не становился товаром вследствие того только, что он произведён для других. Для того чтобы стать товаром, продукт должен быть передан в руки того, кому он служит в качестве потребительной стоимости, посредством обмена.**

Иными словами, **товар** в марксистской политэкономии — это не просто потребительная стоимость, и даже не потребительная стоимость, изготовленная человеком (вне зависимости от того, изготовлена ли она для собственного потребления или для потребления другими людьми), а весьма специфическая экономическая категория, свойственная только *рынку* (хотя и не обязательно капиталистическому рынку), поскольку только на рынке — в процессе обмена на другие товары — проявляется главный атрибут товара: его *стоимость*. Без рынка, без обмена потребительная стоимость — каково бы ни было её происхождение — просто не имеет та-

* А в примечании к этой приписке он следующим образом обосновал её необходимость:

Я вставил заключённые в скобки слова, так как при их отсутствии очень часто возникало недоразумение, будто, по Марксу, всякий продукт, потребляемый не тем, кто его произвёл, является товаром.

Как видим, попытки догматического прочтения Маркса, апелляция скорее к вырванным из контекста цитатам (особенно учитывая, что Маркс, как мы убедились, далеко не всегда давал себе труд формулировать абсолютно строгие определения), чем к действительным мыслям автора, стоящим за ними, почти так же стары, как и сам марксизм. Более того, подобный догматический подход — если верить Энгельсу — наблюдался даже не просто часто, а **очень** часто.

кой характеристики, как стоимость, поскольку вне процесса обмена эта характеристика не имеет ни малейшего экономического смысла.

Трудовая теория стоимости, таким образом, может быть вкратце резюмирована следующим образом:

- **Потребительная стоимость:** любая вещь, удовлетворяющая какие-либо потребности человека.

- **Товар:** потребительная стоимость, обмениваемая на другие потребительные стоимости.

- **Стоимость (товара):** численная мера (обычно выражаемая в *деньгах*) определяющая соотношение, в котором товар обменивается на другие товары.

- Только потребительные стоимости, произведённые человеческим трудом, могут быть товарами.

- Стоимость любого товара в точности равна количеству вложенного в его производство труда.

б) Простой и сложный труд

В приведённой выше схеме у нас остался, однако, один пока ещё невыясненный, но весьма существенный вопрос: а как же мы будем измерять труд, чтобы определить созданную им стоимость? Маркс даёт на него несколько уклончивый ответ: с одной стороны, он утверждает, что труд измеряется просто затраченным на него временем, но с другой стороны, обставляет это вроде бы ясное и не допускающее двух толкований утверждение весьма существенным оговорками, первая из которых касается индивидуальных различий в *производительности труда*:

Если стоимость товара определяется количеством труда, затраченного в продолжение его производства, то могло бы показаться, что стоимость товара тем больше, чем ленивее или неукснее производящий его человек, так как тем больше времени требуется ему для изготовления товара. Но тот труд, который образует субстанцию стоимостей, есть одинаковый человеческий труд, затрата одной и той же человеческой рабочей силы. Вся рабочая сила общества, выражающаяся в стоимостях товарного мира, выступает здесь как одна и та же человеческая рабочая сила, хотя она и состоит из бесчисленных ин-

дивидуальных рабочих сил. Каждая из этих индивидуальных рабочих сил, как и всякая другая, есть одна и та же человеческая рабочая сила, раз она обладает характером общественной средней рабочей силы и функционирует как такая общественная средняя рабочая сила, следовательно употребляет на производство данного товара лишь необходимое в среднем или общественно необходимое рабочее время. Общественно необходимое рабочее время есть то рабочее время, которое требуется для изготовления какой-либо потребительной стоимости при наличных общественно нормальных условиях производства и при среднем в данном обществе уровне умелости и интенсивности труда.

Подобный подход — пусть и не лишённый определённых недостатков, связанных, например, с *сегментацией рынка труда*, наличествующей, хоть и в несколько размытой форме, даже в пределах одного государства — позволяет достаточно успешно решить проблему придания вычисленной таким образом стоимости конкретного экономического смысла. Но, к сожалению, работает он лишь для случая производства идентичных или, по крайней мере, достаточно схожих потребительных стоимостей, которые полностью взаимозаменяемы и оцениваются рынком одинаково. В то же время очевидно, что стоимость **принципиально различных** потребительных стоимостей, произведённых за одно и то же время — например, пряжи и бриллиантов — может различаться во много раз. Разумеется, тут можно было бы попытаться возразить, что различаются в подобном случае не стоимости, а *цены*, которые, как известно, зависят не только от стоимости, но и от текущей конъюнктуры рынка. Возражение это, однако, вряд ли может быть принято, поскольку какой-то содержательный экономический смысл понятие стоимости будет иметь только тогда, когда реальные рыночные цены колеблются под действием конъюнктуры именно вокруг неё, а не постоянно (и весьма сильно) смещены в ту или другую сторону, т.е. если стоимость будет некоторой *средней ценой*, ценой при «нормальном состоянии рынка», когда никакие чрезвычай-

чайные обстоятельства не влияют на привычные показатели спроса и предложения*.

Не приняв этого возражения и Маркс, предложив взамен концепцию *простого и сложного труда*, заключающуюся в том, что кроме простого, неквалифицированного труда, существует также и множество видов сложного труда различной степени квалификации, создающего за единицу времени пропорционально большую стоимость, чем создаёт её обычный простой труд:

Подобно тому как в буржуазном обществе генерал или банкир играют большую роль, а просто человек — очень жалкую, точно так же обстоит здесь дело и с человеческим трудом. Он есть расходование простой рабочей силы, которой в среднем обладает телесный организм каждого обыкновенного человека, не отличающегося особым развитием. Простой средний труд, хотя и носит различный характер в различных странах и в различные культурные эпохи, тем не менее для каждого определённого общества есть нечто данное. Сравнительно сложный труд означает только возведённый в степень или, скорее, помноженный простой труд, так что меньшее количество сложного труда

равняется большему количеству простого. Опыт показывает, что такое сведение сложного труда к простому совершается постоянно. Товар может быть продуктом самого сложного труда, но его стоимость делает его равным продукту простого труда, и, следовательно, сама представляет лишь определённое количество простого труда. Различные пропорции, в которых различные виды труда сводятся к простому труду как к единице их измерения, устанавливаются общественным процессом за спиной производителей и потому кажутся последним установленным обычаем. Ради простоты в дальнейшем изложении мы будем рассматривать всякий вид рабочей силы непосредственно как простую рабочую силу, — это избавит нас от необходимости сведения в каждом частном случае сложного труда к простому.

Предложенная идея *редукции труда* формально решает проблему межотраслевых различий (стоимостной) производительности труда, но решает её лишь постольку, поскольку мы пока не задумываемся над (или вообще не интересуемся) природой этих различий. Реальное же ре-

* Как видно из следующего замечания в его экономических рукописях 1861-63 гг., Маркс, следуя Смиту и Рикардо, в течение длительного времени именно так и считал:

В целом, эта стоимость товаров — точно так же как и стоимость способности к труду — представляется в действительности как их средняя цена, к которой приходят за счёт взаимной компенсации попеременно падающих и растущих рыночных цен, в результате чего стоимость товаров реализуется, проявляет себя в этих колебаниях самой рыночной цены.

Однако уже в одном из примечаний к первому тому «Капитала» он сообщает, что в какой-то мере пересматривает эту точку зрения:

Постоянные колебания рыночных цен, их повышение и понижение, компенсируются, взаимно уничтожаются и сами собой сводятся к средней цене, как своей внутренней норме. Средняя цена является путеводной звездой, например, для купца или промышленника во всяком предприятии, рассчитанном на более или менее продолжительное время. Следовательно, товаровладелец знает, что, если рассматривать достаточно большой период в целом, товары действительно продаются не ниже и не выше, а как раз по своим средним ценам. Если бы незаинтересованное мышление было вообще в его интересах, то он должен был бы поставить проблему образования капитала следующим образом: как может возникнуть капитал при регулировании цен средней ценой, т.е. в конечном счёте стоимостью товара? Я говорю «в конечном счёте», потому что средние цены прямо не совпадают с величинами стоимости товаров, как думали А. Смит, Рикардо и т.д.

Позже мы увидим, что вынудило Маркса к этому пересмотру.

шение проблемы лишь откладывается на более поздний срок. Действительно, до тех пор, пока мы не выработали механизма, позволяющего **объективно, независимо от рынка**, оценивать степень сложности того или иного труда, вся наша трудовая теория стоимости превращается в элементарную тавтологию: мы, фактически, просто подтасовываем коэффициенты сложности различных видов труда для того, чтобы наш пересчёт рабочих часов в стоимость произведённых товаров совпал с реальными рыночными цифрами.

Был ли такой механизм выработан в рамках марксистской политэкономии? В предпоследнем предложении вышеприведённой цитаты нам вроде бы обещаются какие-то обоснования наблюдаемых различий в стоимостном содержании различных видов труда, которые лишь *кажутся* производителям «установленными обычаем». Но в действительности нигде в дальнейшем изложении эти обещания так никогда и не материализуются. Более того, в одном месте Маркс прямо пишет в примечаниях:

Различие между сложным и простым трудом, между «skilled» и «unskilled labour», отчасти основывается просто на иллюзиях или, по меньшей мере, на различиях, которые давным-давно перестали быть реальными и продолжают существовать лишь как традиционные условности; отчасти — на более беспомощном положении известных слоев рабочего класса, вследствие чего они не в состоянии, как другие, добиться оплаты своей рабочей силы по её стоимости. Случайные обстоятельства играют при этом настолько крупную роль, что одни и те же виды труда меняются местами. Там, например, где физические силы рабочего класса ослаблены и относительно истощены, как это наблюдается во всех странах с развитым капиталистическим производством, те грубые работы, которые требуют большой мускульной силы, в общем, занимают более высокую ступень по сравнению с много более тонкими работами, которые опускаются до ступени простого труда; например, труд bricklayer (каменщика) в Англии занимает значительно более высокую ступень, чем труд ткачей камчатных тканей. С другой стороны, труд fustian cutter (стригальщика), хотя он

требует большого физического напряжения и кроме того очень вреден для здоровья, фигурирует как «простой труд».

Как видим, Маркс честно признаётся, что не только понятия не имеет (хотя в отдельных случаях у него и могут быть какие-то свои предположения на этот счёт), почему тот или иной вид труда квалифицируется как имеющий ту или иную степень сложности, но и вообще сомневается, что этим различиям может быть дано какое-то рациональное объяснение. И тем не менее, всё равно почему-то не отказывается от трудовой теории стоимости, хотя к этому моменту он уже гарантировано убедился, что построена она — на песке. Как объяснить подобную научную недобросовестность с его стороны?

Объяснение, однако, крайне простое: Маркса **действительно** совершенно не интересовали механизмы стоимостной дифференциации труда, для исследования тех явлений, которые интересовали его, они были просто **не нужны**. И Маркс объясняет нам, почему:

Уже раньше было отмечено, что для процесса увеличения стоимости совершенно безразлично, будет ли присвоенный капиталистом труд простой, средний общественный труд или более сложный труд, труд с более высоким удельным весом. Труд, который имеет значение более высокого, более сложного труда по сравнению со средним общественным трудом, есть проявление такой рабочей силы, образование которой требует более высоких издержек, производство которой стоит большего рабочего времени и которая имеет, поэтому, более высокую стоимость, чем простая рабочая сила. Если стоимость этой силы выше, то и проявляется она зато в более высоком труде и овеществляется поэтому за равные промежутки времени в сравнительно более высоких стоимостях. Но какова бы ни была разница в степени между трудом прядильщика и трудом ювелира, та доля труда, которой ювелирный рабочий лишь возмещает стоимость своей собственной рабочей силы, качественно ничем не отличается от той добавочной доли труда, которой он создаёт прибавочную стоимость. В обоих случаях прибавочная стоимость получается лишь вследствие количественного излишка труда, вслед-

ствие большей продолжительности того же процесса труда: в одном случае процесса производства пряжи, в другом — процесса ювелирного производства.

Иными словами, хотя в принципе, в какой-то более широкой модели он и допускает теоретическую возможность некоторой рационализации понятия сложного труда исходя из объективных затрат на воспроизводство соответствующей рабочей силы (впрочем, судя по его вышеприведённому комментарию, не особо на это рассчитывает), но главное для него — это что те процессы, которые мы пытаемся исследовать с помощью марксистской политэкономии, а именно: процессы образования прибавочной стоимости и эксплуатации трудящихся владельцем капитала за счёт изъятия последней — вполне могут быть исследованы и без подобной рационализации.

А поняв это мы наконец-то поймём и по какой причине Маркс так держится за позаимствованную им у Смита и Рикардо трудовую теорию стоимости: вовсе не потому, что он и правда верил в то, что различные виды труда могут быть каким-то образом объективно оценены и исходя из этих оценок мы сможем вычислить «истинные» стоимости любых произведённых этим трудом товаров, каковы бы эти стоимости каким-то почти магическим образом совпали затем со среднерыночными ценами. Маркс остановился на трудовой теории стоимости потому что, во-первых, она была ему *удобна*, оптимально соответствовала тем задачам, которые он перед собой ставил, а во-вторых, потому что он полагал, что на том уровне развития производительных сил и производственных отношений, который имел место в его время, она достаточно хорошо аппроксимировала объективную экономическую реальность. Ну или во всяком случае ту её часть, которая интересовала Маркса больше всего.

Подобное упрощение модели, однако, не давалось ему даром. Отказавшись от анализа причин и механизмов дифференциации стоимостного содержания различных видов труда, и даже более того — намеренно и целенаправленно изгнав из своей модели даже малейшие намёки на наличие у труда какой-то своей внутренней структуры, превратив (путём домножения отдельных частей на эмпирические коэффициенты) его весь в совершенно однородную бесформенную массу*, Маркс, тем самым, сознательно отказался, от какого бы то ни было исследования процессов, проходящих внутри самого труда, сделал принципиально невозможным (в рамках своей модели) анализ противоречий между различными группами трудящихся. Фактически, в результате был постулирован принцип: «работающим за зарплату делить между собой нечего». Причём здесь следует подчеркнуть, что речь идёт именно о **постулате**, принятом на основе эмпирических данных, а **отнюдь не о выводе** марксистской теории. Отсутствие внутритрудовых противоречий (включая и *антагонистические противоречия*) никак не следует из марксистской теории, а напротив — она сама *полагается* (в своём классическом варианте) на факт такого отсутствия и остаётся справедливой лишь до тех пор, пока этот факт остаётся в силе.

Было ли постулирование этого принципа оправданным? Безусловно. Хотя, строго говоря, полностью он не был справедлив даже во времена Маркса, однако отсутствие по крайней мере **ярко выраженных** антагонистических противоречий между различными группами трудящихся в тот период никаких сомнений не вызывает. Кроме того, общая тенденция была такова, что и без того небольшая доля квалифицированного труда подвергалась — под натиском расширяющегося машинного производства — ещё большему сокращению**. Но эта справедливость

* Обратим внимание на разительное отличие этого подхода от подхода к капиталу, структурную организацию которого Маркс напротив — исследовал до мельчайших деталей.

** В примечании к последней цитате Маркс пишет:

Впрочем, не следует думать, что так называемый «skilled labour» занимает количественно значительное место в национальном труде. Ленг подсчитал, что в Англии (и Уэльсе) существование более чем 11 млн. основывается на простом труде. По вычете одного миллиона аристократов и полутора миллионов пауперов, бродяг, преступников, лиц, живущих проституцией, и т.д., из 18 млн. населения, насчитывавшихся в стране в то время, когда писалось его сочинение, остаётся 4.650.000 душ среднего класса, включая сюда мелких рантье, чиновников, писателей, художников, школьных учителей и т.д. Чтобы получить

«хотя бы в основном», имевшая место 150 лет назад, конечно же ни в коей мере не является гарантией того, что положение не изменится в корне в последующие исторические эпохи. В частности, у нас есть все основания считать, что в современном мире именно внутритрудовые противоречия выступают на передний план классово-вой борьбы.

в) Интеллектуальная собственность

Выше мы уже отметили, что данное Марксом определение *товара* как «внешнего предмета, вещи» содержит одну очень существенную для нас неточность. Неточность эта заключается в том, что данное определение предполагает *материальность* любого товара. Причём эта материальность жизненно важна для марксовской экономической модели, поскольку последняя полностью зависит от следующего фундаментального свойства (материальных) потребительных ценностей:

При рассмотрении потребительных стоимостей всегда предполагается их количественная определённость, например дюжина часов, аршин холста, тонна железа и т.п.

Важность этого свойства заключается в том, что оно предполагает наличие идентичного (или

почти идентичного) *этапа производства* в цикле существования **каждой** количественной единицы той или иной потребительной стоимости, на каковом этапе как раз и происходит расходование того самого «общественно необходимого труда», который (если производимая потребительная стоимость является товаром) и составит её товарную стоимость. В то же время, по крайней мере для некоторых классов *нематериальных* потребительных стоимостей свойство это не выполняется, что мы и покажем в этом подразделе. В частности, оно не выполняется для такого важнейшего класса нематериальных потребительных стоимостей, как объекты *интеллектуальной собственности*, к которым относятся произведения научного, художественного, технологического творчества и т.п.

Карл Маркс во всех своих экономических трудах придавал крайне высокое значение научным исследованиям и базирующемуся на них техническому прогрессу. Однако рассматривал он их всегда исключительно как *внешнее* по отношению к самой экономике явление, самым существенным образом влияющее на её развитие, но, в основном, **не** подчиняющееся её законам. Фактически, единственное упоминание у Маркса об *интеллектуальном труде* (имеется в виду

эти 4,75 млн., он причисляет к работающей части среднего класса, кроме банкиров и т.д., всех лучше оплачиваемых «фабричных рабочих»! Даже и bricklayers попадают в категорию «рабочих сложного труда». После этого у него остаются упомянутые 11 млн. (S. Laing. «National Distress etc.». London, 1844 [p. 51–52]). «Большой класс, который ничего не может дать в обмен на пищу, кроме простого труда, составляет главную массу народа» (James Mill в статье «Colony». Приложение к «Encyclopaedia Britannica», 1831).

Тенденцию же к дальнейшему сокращению сложного труда он считал настолько важной, что даже несмотря на уже имеющиеся в исходном тексте многочисленные свидетельства и мнения различных экономистов, он продолжал добавлять подобные примеры в последующих изданиях. Например, во втором:

Г-н А. Старрок, суперинтендант машинного отделения Большой Северной железной дороги, заявляет относительно машиностроения (производства локомотивов и т.д.): «Дорогие (expensive) английские рабочие требуются с каждым днем все в меньшем и меньшем количестве. Производство увеличивается благодаря применению усовершенствованных инструментов, а этими инструментами управляет, в свою очередь, более низкая категория рабочих (a low class of labour)... Раньше все части паровой машины по необходимости производились квалифицированным трудом. Те же части в настоящее время производятся менее квалифицированным трудом, но при помощи хороших инструментов... Под инструментами я разумею машины, употребляемые при машиностроении» («Royal Commission on Railways. Minutes of Evidence», № 17 862 и 17 863. London, 1867).

специфически труд, производящий *интеллектуальный продукт*, а не просто умственный труд, свойственный, например, управляющему персоналу предприятия), как именно об *элементе экономики*, содержится лишь среди черновиков четвёртого тома «Капитала»:

Продукт умственного труда — научные результаты — всегда оцениваются значительно ниже своей стоимости, поскольку рабочее время, требуемое для их повторения, не имеет никак не связано с рабочим временем, требуемым для их первоначального производства. Например, школьник может выучить бинамиальную теорему за час.

Как видим, Маркс вполне отдавал себе отчёт в неадекватности трудовой теории стоимости для описания процесса производства интеллектуального продукта, но, к сожалению, просто не имел времени основательно заняться исследованием этого вопроса. Впрочем, его тут в значительной степени извиняет тот факт, что в **его** время интеллектуальная продукция и правда находилась, по большей части, вне пределов рыночно-экономического регулирования. А та её часть, которая всё же циркулировала внутри рынка, составляла ничтожную долю его общего объёма и практически никак не влияла на цельную картину, так что пренебрежение (с целью упрощения модели) её влиянием было достаточно оправданным.

Чтобы быть точным, доля рынка интеллектуальной собственности, хотя и составляющего сегодня сотни миллиардов долларов, по-прежнему *относительно* невелика и лишь в немногих странах составляет более 1% от общего объёма рынка. Однако, во-первых, она имеет устойчивую тенденцию к росту, которому, среди прочего, способствуют и повсеместно принимаемые сегодня законодательства об усилении охраны интеллектуальной собственности. Во-вторых,

значительная доля *неучтённой* интеллектуальной собственности — может быть даже превышающая её «официальную» долю — содержится в некоторых видах традиционных, «вещных» товаров. Выражается она в значительных (до нескольких раз) различиях средних рыночных цен на практически идентичные во всех отношениях товары, произведённые различными фирмами или даже одной фирмой, но под разными марками, когда наценка платится «за престиж». В-третьих, о важности этого сектора для сегодняшней экономики говорит и тот факт, что именно успешная интеграция интеллектуального труда и его продуктов в рыночную экономику позволили капитализму преодолеть то, казавшееся Марксу непреодолимым, противоречие между требованием дальнейшего развития производительных сил и *кажущейся* невозможностью этого развития в условиях капиталистических производственных отношений образца второй половины XIX века.*

Учитывая всё вышесказанное, рассмотрим подробнее механизм генерации новой стоимости в области производства интеллектуальной собственности, для чего возьмём самый свежий пример: бестселлер всех времён и народов — многотомный роман о Гарри Поттере, принёсший автору — ещё до начала продаж последнего на сегодня, шестого тома — сумму, превышающую один миллиард долларов.

Новый том вышел общим тиражом более 10 миллионов экземпляров, из которых в одних только США и Великобритании почти 9 миллионов было распродано в течение первых 24 часов, так что издателю пришлось срочно допечатывать ещё почти 3 миллиона экземпляров. Средняя цена тома — примерно 20 долларов. В то же время, цена аналогичных по объёму и качеству печати книг, например, Диккенса или Конан-Дойля составляет всего порядка 10 долларов. Спра-

* В принципе, Маркс был абсолютно прав в своих выводах о невозможности дальнейшего развития производительных сил в рамках *классических* капиталистических производственных отношений, которые он имел возможность наблюдать и исследовать. Его ошибка заключалась не в том, что он неверно оценил их потенциал, а в том, что он не увидел других — альтернативных коммунистическому — путей развития общества, которые также обеспечивали бы условия для дальнейшего прогресса производительных сил. Из чего им и был сделан не подтвердившийся реальным ходом истории вывод о неизбежности перехода в Европе и США к коммунистическим производственным отношениям (в ближайшие десятилетия или даже годы).

шивается: чей труд определил эту добавочную стоимость в 10 долларов? Ответ очевиден: это труд Джоанны Кэтлин Роулинг. Её труд в течение года произвёл стоимости по крайней мере на 130 миллионов долларов (а на самом деле — гораздо больше, поскольку будут ещё тиражи, включая выпуски в мягкой обложке, приносящие обычно даже больше денег, чем исходный выпуск в переплёте, плюс огромная стоимость будущего фильма).

Но, может быть, в данном случае мы просто имеем дело с типичным для товарного рынка колебанием реальных цен относительно стоимости за счёт текущей конъюнктуры и на самом деле стоимость книги — те же самые 10 долларов, что и книг Диккенса или Конан-Дойля? Однако конъюнктура в данном случае работает как раз **против** производителя: на рынке совершенно не наблюдается нехватки, напротив — книга всюду на распродаже, в то время как её «регулярная» цена составляет целых 30 долларов. Т.е. приходится признать, что текущая цена по крайней мере не ниже стоимости и г-жа Роулинг,

повидимому, действительно «честно заработала» свой миллиард. Нас, впрочем, в данный момент меньше всего интересуют подобные этические вопросы, касающиеся её доходов, нас интересует конкретный механизм генерации стоимости, содержащейся в её книгах. И для того, чтобы его понять, мы вернёмся на 7 лет назад — к моменту, когда никому ещё не известная безработная мать-одиночка, сидя в одном из эдинбургских кафе, в первый раз напечатала на своей пишущей машинке долгожданное «The End».

Почему именно к этому моменту? Потому что именно в этот момент её труд (по написанию первого тома) был завершён. Была завершена генерация заключённой в нём стоимости. И если бы Роулинг произвела на свет классический, «вещ-

ный» товар — например, табуретку — она просто обменяла бы его на какой-либо другой товар, равный по стоимости её товару (скорее всего, разумеется, на деньги). Но в том-то и дело, что произведён был в данном случае не классический товар, а интеллектуальная собственность, подчиняющаяся, как мы уже отметили выше, в значительной степени иным законам, чем материальные потребительные стоимости. Причём произведён был даже не один, а сразу несколько объектов, принадлежащих к разным видам интеллектуальной собственности.

Прежде всего, был произведён сам текст, как таковой. Но не тот текст, который был физически отпечатан на машинке, а, скажем так, его абстракция, ассоциированная с общественным отношением, заключающимся в возможности автора *лицензировать тиражирование* этого текста — т.е. продавать этот абстрактный текст для воспроизведения его в виде книги, часть общей стоимости которой (наряду со стоимостью собственно печати и переплёта) будет составлять стоимость текста, не

один, а **произвольное количество** раз.

Если бы продукт, произведённый Роулинг был действительно классическим товаром, стоимость которого хотя бы с учётом всех сделанных в предыдущем подразделе оговорок определялась бы вложенным в его производство трудом, он мог бы быть продан лишь один раз — причём (с поправкой на конъюнктурные колебания) именно за эту цену. Для того, чтобы продать ещё один, в точности такой же продукт, Роулинг пришлось бы произвести его ещё раз — как столяр вынужден сработать новую табуретку взамен уже проданной, вложив в её производство примерно столько же труда, сколько и в первую. Тогда как в действительности она **не** вложила в производство всех последующих — кро-

ме самого первого, рукописного — экземпляров ни крупицы своего труда. И тем не менее в стоимость всех этих экземпляров добавилась некая — и при этом весьма значительная — часть, которую автор присвоила себе в качестве «платы за труд».

Тогда может быть она просто присвоила прибавочную стоимость, произведённую кем-то ещё? Но кем? Абсолютно все, участвующие в производстве её книг выполняли бы в точности ту же же работу, печатай они Диккенса или Конан-Дойля. И у нас нет никаких оснований считать, что та часть стоимости, которую они добавили своим трудом к стоимости конечного продукта, может хоть как-то зависеть от конкретного содержания того, что они печатают. Тогда откуда же взялась эта «нетрудовая стоимость»?

Ответ на поставленный вопрос содержится в том факте, что для потребительных стоимостей, являющихся нематериальными объектами, полностью, как уже было сказано выше, отсутствует *этап производства* отдельных экземпляров этих объектов: производя один экземпляр товара, автор одновременно производит потенциально бесконечное количество его экземпляров, т.е. природа потребительных стоимостей такого рода — принципиально *неколичественна*. И в то же время все эти экземпляры безусловно являются товарами, поскольку они реально циркулируют на рынке и свободно обмениваются на другие товары, обретая в процессе этого обмена меновую стоимость и добавляя свою стоимость к стоимости любого конечного продукта, заключающего их в себе в той или иной форме в качестве составной части. Таким образом, завершая своё произведение, его автор каждый раз создаёт **потенциально бесконечную** стоимость, которая со временем материализуется в совершенно неизвестную заранее (и, к тому же, постоянно растущую) реальную стоимость, конкретная величина которой, вообще говоря, никак не связана с величиной вложенного в её производство труда.

Но вернёмся к нашему примеру. Мы сказали, что написав «Гарри Поттера» Роулинг создала сразу несколько объектов интеллектуальной собственности. Посмотрим, что же произошло с её произведением в процессе экранизации. Фильм — это не то же самое, что книга. Если выпуск книги, содержащей какой-то товарный текст ещё можно до известной степени (т.е. с

учётом возможности свободного тиражирования абстрактного текста) сравнить со вставкой картины, нарисованной художником, в раму — когда стоимость этого составного продукта состоит из стоимости самой картины (текста), рамы (бумаги и прочих материалов) и труда по собственно вставке (печати и переплёту), то экранизация произведения уже больше напоминает производство копии картины, может быть даже — совершенно другими средствами, например — в виде скульптурной группы с тем же сюжетом. И тем не менее производство фильма принесло Роулинг немалый доход — в противовес нашей аналогии, когда копирование картины (во времена до появления понятия интеллектуальной собственности) не принесло бы автору оригинала ни копейки, а в стоимость копии вошёл бы только труд копировщика (плюс стоимость израсходованных материалов, разумеется).

Что вынуждает нас задаться вопросом о происхождении этого дохода. Автор не внесла в производство фильма никакого труда. Конечно, она **могла бы** его внести и, возможно, в действительности даже внесла его, но её доходы от производства фильма определяются отнюдь не этим её трудовым вкладом: они были бы примерно теми же и в том случае, если бы она вовсе не интересовалась подробностями производства. Более того, автор к этому времени вполне могла уже уступить права на экранизацию кому-нибудь другому и тогда уже этот другой получил бы интересующий нас доход, т.е. речь идёт заведомо не о труде и не о рабочей силе, а о некотором специфическом общественном отношении, позволяющем владельцу извлекать доход из самого факта владения. Причём если в случае экранизации ещё можно говорить о каком-то использовании исходного продукта (романа) в конечном (фильме), то при написании, например, продолжения (или «ответвления») каким-либо другим автором, владелец прав собственности на исходный текст по-прежнему извлечёт из этого доход, хотя в новом романе не будет содержаться уже ни строчки из старого. Иными словами, этот второй вид созданной интеллектуальной собственности начинает уже приобретать некоторые черты *капитала*, однако при этом отнюдь не тождественен классическому капиталу, т.е. представляет ещё один класс товаров, плохо вписывающихся в классическую модель марксистской политической экономии.

г) Общий обзор основных расхождений модели с реальностью

Никто не ожидает от модели соответствия реальности всегда, при всех без исключения обстоятельствах. Более того, никто не ожидает от неё и **полного** соответствия реальности даже в тех областях, где её собираются применять. Модель — это **всегда упрощение** реальности, призванное понизить её сложность до уровня, позволяющего проводить эффективное исследование, для чего модель должна адекватно включать всё, что нам представляется существенным в моделируемой реальности и, по возможности, исключать всё, что, как нам кажется, является малосущественным и лишь затуманивает основную картину. В связи с чем должно быть очевидно, что классическая марксистская модель не может не иметь расхождений с реальностью, вопрос лишь в том, насколько эти расхождения уводят нас в сторону? Действительно ли они проясняют экономическую картину общества, выявляя основные экономические процессы из общего фона второстепенных, или наоборот — игнорируют все или хотя бы часть важнейших процессов, безнадёжно искажая тем самым эту картину?

В этом подразделе мы покажем, что (в современном мире) справедливо, к сожалению, последнее. При этом мы можем выделить сразу три области неадекватности:

- Полное отсутствие разделения труда на различные, в том числе — *антагонистические* группы (классы).
- Игнорирование *нетоварного* сектора производства и других «внеэкономических» явлений в обществе.
- Прямая неприменимость трудовой теории стоимости к некоторым (и весьма значительным сегодня) группам товаров.

Антагонизм между различными группами труда

Достаточно лишь самого беглого взгляда на сегодняшней рынок рабочей силы, чтобы обнаружить, что он мало чем напоминает рынок второй половины XIX века. Если тогда действительно имела место тенденция нивелирования раз-

личных видов труда, его упрощения и перехода основной массы наёмных работников в категорию простых неквалифицированных рабочих, то сегодня тенденция носит скорее противоположный характер: труд очень часто высокоспециализирован, требует достаточно хорошего образования и длительной подготовки. Разница в стоимостном содержании различных видов наёмного труда сегодня велика, как никогда.

Всё это демонстрирует невозможность и далее трактовать все виды труда, как некую однородную безликую массу, доказывает необходимость выделить в этой массе отдельные структурные элементы и исследовать их взаимосвязь в экономическом процессе. Однако на данный момент нас пока будет интересовать только одна специфическая группа труда, а именно — *управленческий труд*.

Имел ли место этот вид труда во времена Маркса? Да имел. И последний даже уделил ему специальное внимание в третьем томе «Капитала»:

Труд верховного надзора и руководства необходимо возникает повсюду, где непосредственный процесс производства имеет форму общественно-комбинированного процесса, а не является разъединённым трудом самостоятельных производителей. Но природа его двоякого рода.

С одной стороны, во всех работах, в которых сотрудничают многие индивидуумы, общая связь и единство процесса необходимо представлены одной управляющей волей и функциями, относящимися не к частичным работам, а ко всей деятельности мастерской, как это имеет место с дирижёром оркестра. Это — производительный труд, выполнять который необходимо при всяком комбинированном способе производства.

С другой стороны, если совершенно оставить в стороне купеческий отдел, этот труд главного надзора необходимо возникает при всех способах производства, основанных на противоположности между рабочим, как непосредственным производителем, и собственником средств производства. Чем больше эта противоположность, тем больше роль этого верховного надзора за рабочими.

Как видим, Маркс прекрасно понимал как то, что управленческий труд является *производительным трудом* — т.е. трудом, создающим *прибавочную стоимость*, так и то, что между этим и другими видами труда имеет место *антагонизм*, определяемый общим эксплуататорским характером существующих производственных отношений. Кроме того, он особо отметил полную несостоятельность (частичного) отождествления заработной платы управляющих и прибыли предприятия — которая составляется из прибавочной стоимости, аккумулирующейся в том числе и за счёт неоплаченного рабочего времени самого управленческого персонала:

Смешение предпринимательского дохода с платой за надзор или управление первоначально возникло из той особой формы, которую излишек прибыли над процентом принимает в противоположность проценту. Оно получило свое дальнейшее развитие благодаря апологетическому стремлению представить прибыль не как прибавочную стоимость, т.е. неоплаченный труд, а как заработную плату самого капиталиста за выполняемый им труд. Этому со стороны социалистов было противопоставлено требование, чтобы прибыль была фактически сведена к тому, за что она выдается в теории, а именно к простой плате за надзор. И это требование, выступив против теоретического подкрашивания, было тем неприятнее, чем более эта плата за надзор с возникновением многочисленного класса промышленных и торговых управляющих находила, с одной стороны, подобно всякой другой заработной плате, свой определённый уровень и свою определённую рыночную цену и чем ниже, с другой стороны, она опускалась, как всякая плата за квалифицированный труд, по мере общего развития, понижавшего издержки производства особо обученной рабочей силы. С развитием кооперации среди рабочих и акционерных предприятий среди буржуазии был уничтожен и последний предлог для смешения предпринимательского дохода с платой за управление, и прибыль практически выступила как то, чем она бессорно была теоретически: как

чистая прибавочная стоимость, как стоимость, за которую не уплачивается эквивалента, как реализованный неоплаченный труд.

Однако если во времена Маркса зарплаты управляющих действительно были сравнительно низки и имели тенденцию к дальнейшему понижению, сегодняшние управляющие из высшего звена руководства транснациональных и крупных национальных корпораций — это одни из самых богатых людей нашей планеты. И тем не менее они — наёмные работники, производители прибавочной стоимости, т.е. формально — в соответствии с классической марксистской моделью — представители **эксплуатируемого** класса. Да, *в принципе* эти люди могут владеть акциями руководимых ими корпораций и, таким образом, быть совладельцами капитала — но точно так же этими акциями могут владеть (и часто владеют) и любые другие наёмные работники этих же или каких-либо других корпораций. Важно, что они ими могут и **не** владеть. И что ещё более важно — это что даже если они и владеют какими-либо акциями (что обычно соответствует действительности), **основной** свой доход они получают не за счёт этого владения, а за счёт *заработной платы*, выплачиваемой им как *наёмным работникам*.

Можно ли в такой ситуации по-прежнему говорить об адекватности нашей старой модели? Безусловно, нет. В сегодняшнем мире мы имеем уже не просто противоречия между различными группами трудящихся, мы имеем ярко выраженные *антагонистические противоречия* между ними. Причём с уходом (в массе своей) с экономической сцены классических капиталистов, единолично владевших капиталом, и рассредоточением последнего между сотнями миллионов средних, мелких и мельчайших акционеров, именно этот тип противоречий стал в современной экономике доминирующим.

Международная эксплуатация

Это может показаться странным, но Маркс не написал практически ничего содержательного на тему *международной эксплуатации* как специфического (т.е. отличного от «обычной» внутрисударственной эксплуатации) экономического явления. И, соответственно, никак не

учёл её в своей модели. Что, разумеется, не означает, что он не видел этой эксплуатации. (Хотя повидимому и правда несколько недооценивал её значения.) Наиболее чётко Маркс выразил свои взгляды на этот предмет в следующем коротеньком замечании в черновиках четвёртого тома «Капитала»:

Сэй, в своих записях о книге Рикардо, переведённых Констанцио, делает только одно верное замечание относительно внешней торговли. Прибыль может быть получена также путём обмана, когда один человек приобретает то, что другой теряет. Потери и приобретения в пределах одной страны компенсируют друг друга. А даже в соответствии с теорией Рикардо три дня труда в одной стране могут быть обменяны на один в другой — момент, не отмеченный Сэем. В этой ситуации закон стоимости претерпевает существенные изменения. Отношения между рабочими днями в разных странах могут оказаться схожими с отношениями, существующими между квалифицированным, сложным трудом и неквалифицированным, простым трудом в пределах одной страны. В этом случае более богатая страна эксплуатирует более бедную несмотря даже на то, что последняя что-то приобретает в результате обмена, как поясняет Джон Стюарт Милл в своих «Некоторых неразрешённых вопросах».

Этот небольшой отрывок, однако, содержит две очень ценных для нас мысли.

Во-первых, он наглядно демонстрирует как сам Маркс — в отличие от современных «марксистов»-догматиков — относился к вопросу о применимости своей модели. Он безо всяких оговорок признаёт существование международной эксплуатации, осуществляемое посредством внешней торговли, а не посредством описанного в его модели прямого присвоения прибавочной стоимости.

Во-вторых, Маркс здесь очень верно отметил схожесть взаимоотношений между трудящимися разных стран и различными группами трудящихся в пределах одной страны. В частности, он указывает на **эксплуататорские** отношения между бедными и богатыми страна-

ми, основанные на внешней торговле по «свободным» и «взаимовыгодным» ценам, и на их схожесть с отношениями между простым и сложным трудом, которые формально — тоже равны, но в результате продажи своей рабочей силы по «свободным» ценам их представители «почему-то» оказываются на разных социальных полюсах общества.

Нетоварный сектор

Вспомним, что *товаром* является не любая потребительная стоимость, но лишь такая, которая была изготовлена с целью обмена на другие товары. Выше мы уже цитировали пример Энгельса с феодальным оброком, рассмотрим его несколько глубже.

Энгельс утверждает, что поскольку крестьянин произвёл свой хлеб не на продажу (или с целью бартерного обмена), то хлеб этот не является товаром и, соответственно, не имеет стоимости. И в этом он, безусловно, прав. Посмотрим, однако, что же будет делать с этим хлебом присвоивший его феодал. Какую-то часть его он, конечно же, съест вместе со всеми своими чадами и домочадцами, но какую-то — и, возможно, значительно большую — часть он продаст жителям ближайшего города. Более того, **с точки зрения феодала** эта часть **с самого начала** была именно *товарным* хлебом, потребительной стоимостью, произведённой специфически для обмена её на другие товарные потребительные стоимости (золото, например) и, таким образом, обладающая вполне конкретной стоимостью. Тогда спрашивается: чей же труд произвёл эту стоимость, если труд крестьянина, вырастившего этот хлеб, её **не** произвёл? Несколько неожиданный ответ заключается в том, что — с точки зрения марксистской экономической модели — труд феодала (и, возможно, его подручных, которых он *нанял* — т.е. купил их рабочую силу — для выколачивания оброка из крестьян).

Что мы видим на этом примере? Что строго ограниченная товарным сектором наша модель даёт удовлетворительные результаты лишь до тех пор, пока перекачка (реализующаяся в виде прямого присвоения, а не в форме товарного обмена) потребительных стоимостей между товарным и нетоварным секторами достаточно мала для того, чтобы ею можно было пренебречь без

существенного искажения общей картины.

Разумеется, в современном обществе больше нет феодалов (хотя в экономике многих стран ещё наличествуют значительные феодальные пережитки), так что в этом плане ситуация со времён Маркса только улучшилась. Однако, это не значит, что нерыночный сектор исчез вообще. И прежде всего к этому сектору относится активность *государства*.

После повсеместного отказа от золотого обеспечения денежных знаков государства получили практически неограниченные возможности по произвольному вбрасыванию в экономику *денег* — тем самым выводя этот важнейший товар за рамки ограничений трудовой теории стоимости, поскольку его производство перестало требовать вложений труда (который прежде вкладывался в добычу золота), соответствующих его номинальной стоимости.

Другим существенным аспектом нерыночного влияния государства на экономику является взимание налогов и любых других произвольных поборов — т.е. платежей, не являющихся ни добровольными, ни стоимостно обоснованными. Особенно это влияние усилилось в наше время, когда многие подобные платежи используются в первую очередь именно с целью **повлиять** на состояние экономики и уже только во вторую — обеспечить государству средства для его функционирования.

Наконец, ещё одним немаловажным нерыночным фактором являются *военные действия*, которые не только стимулируют выпуск в больших количествах «нетрудовых» денег, но и приводят к внерыночному изыманию (за счёт физического уничтожения) из оборота огромных объёмов товарных потребительных стоимостей (имеется в виду не оружие, которое было произведено специфически с целью употребления в процессе войны, а «нормальные», «мирные» потребительные стоимости — такие как жильё, заводы, продукты питания, потребительские товары и т.п.). Плюс, военные действия могут приводить (и очень часто проводятся именно с этой целью) к привнесению на рынок определённых категорий товаров, важнейшую из которых мы рассмотрим чуть ниже.

Поэтому не удивительно, что именно в процессе подготовки и ведения войны мы всегда наблюдали наиболее ярко выраженные расхож-

дения между марксистской экономической теорией и реальностью, а мнение, что война — это лучший способ вывести экономику из кризиса стало, по существу, общепринятой аксиомой.

Природные ресурсы

В подразделе, посвящённом трудовой теории стоимости мы видели, как Маркс попытался уйти от вопроса *нетрудовой* стоимости природных ресурсов. Но уйти от него окончательно ему, конечно же, так и не удалось. По этой причине в третьем томе он, следуя Рикардо, вводит для объяснения различия в прибылях производств, использующих природные ресурсы различного качества или использующих природный ресурс *вместо* мёртвого труда капиталовложений — например, естественный водопад вместо паровой машины, понятие *ренды*, выполняющей, по существу, функцию регулярного (т.е. не вызванного текущей конъюнктурой рынка) *смещения цены* продукции, чтобы оставшаяся в результате «чистая» стоимость совпала с вычисленными на основе среднестатистических показателей затратами труда:

Рикардо вполне прав, высказывая следующие положения:

«Рента {т.е. дифференциальная рента; он предполагает, что вообще не существует какой-либо иной ренты, кроме дифференциальной} всегда есть разность между продуктом, полученным в результате приложения равновеликих затрат капитала и труда.» «На одинаковых по величине земельных участках», следовало бы ему прибавить, поскольку дело идет о земельной ренте, а не о добавочной прибыли вообще.

Иными словами: добавочная прибыль, если она создаётся нормально, а не благодаря случайным обстоятельствам, встретившимся в процессе обращения, всегда производится как разность между продуктом двух одинаковых количеств капитала и труда, и эта добавочная прибыль превращается в земельную ренту, если одинаковые количества капитала и труда заняты на одинаковых по величине земельных участках с неодинаковыми результатами.

Легко видеть, однако, что вся эта достаточно глубоко (на протяжении нескольких глав) разработанная теория ренты имеет под собой одну главную цель: спасти трудовую теорию стоимости. В то время как если назвать ренту (или иногда величину несколько большую ренты, отражающую в том числе и вклад наиболее бедных ресурсов) тем, чем она и является на самом деле: долей стоимости, вносимой в товар используемыми природными ресурсами, то всё тут же становится на свои места и результирующая модель заметно упрощается. Что особенно хорошо видно на примере самого Маркса с водопадом, который играет в производстве в точности ту же роль, что и капитал (паровая машина), и который **БЫЛ БЫ** капиталом, если бы он был не естественным, а искусственным (т.е. построенной людьми плотиной). Сравним со сказанным в «Критике готской программы»:

Труд не есть источник всякого богатства. Природа в такой же мере источник потребительных стоимостей (а из них-то ведь и состоит вещественное богатство!), как и труд, который сам есть лишь проявление одной из сил природы, человеческой рабочей силы.

И чуть ниже:

У буржуа есть очень серьёзные основания приписывать труду сверхъестественную творческую силу, так как именно из естественной обусловленности труда вытекает, что человек, не обладающий никакой другой собственностью, кроме своей рабочей силы, во всяком общественном и культурном состоянии вынужден быть рабом других людей, завладевших материальными условиями труда. Только с их разрешения может он работать, стало быть, только с их разрешения — жить.

И хотя формально речь тут идёт не специфически о товарах, а просто о потребительных стоимостях (которые могут и не быть товарами), но из самого подхода видно, что природные ресурсы в этом рассуждении практически полностью — с политико-экономической точки зрения — эквивалентны капиталу (т.е. накопленному труду), владение которым также ставит его владельца в положение полновластного господина над

теми, кто не владеет ничем, кроме собственной рабочей силы.

Тем не менее, следует признать и тот факт, что у Маркса была ещё одна причина для исключения природных ресурсов из списка обладающих стоимостью товаров: они в те времена чаще распределялись **вне рыночного путём** и во многих случаях у исследователя не было никакого объективного способа определить их стоимость. Но в наше время это возражение в значительной степени снято. Природные ресурсы (а точнее — явные или неявные *лицензии* на их эксплуатацию) уже давно циркулируют на рынке наравне с любыми другими товарами и их стоимость вполне может быть определена на основе их преобладающей цены.

Наконец, последнее, что следует сказать о природных ресурсах — это что их вброс на рынок (или наоборот — изымание с него) нередко осуществляется в результате военных действий, т.е. кроме источника *нетрудовой стоимости* они представляют из себя ещё и область перекачки потребительных стоимостей между рыночным и нерыночным секторами.

Нематериальные товары

Помимо уже упомянутой выше интеллектуальной собственности на современном рынке присутствует ещё по крайней мере один важный класс нематериальных потребительных стоимостей — *финансовые товары*, включающие в себя всевозможные кредиты, страховки, разного рода ценные бумаги и т.п. Маркс уделил этим вопросам довольно много внимания в третьем томе «Капитала» и построил достаточно интересную модель их циркуляции, однако для того, чтобы сохранить в неприкосновенности трудовую теорию стоимости, в этом случае ему пришлось пойти на весьма значительные жертвы.

Во-первых, ему пришлось ввести понятие *фиктивного капитала* — т.е. товара, **не обладающего стоимостью** — но который, тем не менее, обладает ненулевой *ценой* и свободно обращается на рынке, конкурируя с другими товарами за платёжеспособный спрос потребителей. Иными словами, как и в случае с рентой, в модель бы введён некий фактор, который систематически сдвигает цену относительно стоимости, ставя тем самым адекватность экономического

смысла понятия стоимости под ещё большее сомнение*.

Во-вторых, отсутствие у определённой группы товаров стоимости эффективно выводит трудовую активность всех, принимающих участие в производстве (обслуживании) этих товаров за рамки нашей базовой модели эксплуатации. В результате весьма значительное (особенно — в настоящее время) количество наёмных работников, практически ничем не отличающихся от своих собратьев, занятых в других отраслях экономики, ни содержанием своего труда, ни социальным положением, ни приносимыми своему работодателю доходами, оказывается вдруг «не эксплуатируемым». Конечно, можно было бы попробовать всё же включить этих работников в процесс генерации новой стоимости, признав за финансовыми товарами *какую-то* стоимость, но — поскольку эта стоимость оказалась бы, вообще говоря, никак не связана с рыночными ценами на содержащие её товары — это, скорее всего, лишь дополнительно запутало бы ситуацию вместо того, чтобы прояснить её.

Резюме

Как видим, трудовая теория стоимости обладает целым рядом недостатков, которые были не столь очевидны 100–150 лет назад, но которые совершенно очевидны сегодня. Она идеально подходила для демонстрации механизма капиталистической эксплуатации в простейшем случае единичного предприятия, принадлежащего капиталисту, однако при попытке перехода к рассмотрению целостной картины экономики она начинала давать определённые сбои даже во времена Маркса. Сегодня же, в значительно более взаимосвязанном мире, в котором капиталисты-единоличники практически повсеместно вытеснены управляемыми наёмным персоналом корпорациями, капитал которых рассредоточен среди достаточно широких слоёв населения, построенная на её основе модель эксплуатации расходится с объективной экономической реальностью настолько, что её более нельзя считать адекватной.

Апрель-август 2005

Продолжение следует

* При этом Марксу, естественно, пришлось ввести специальные правила обращения подобного рода товаров, когда вместо одновременного обмена эквивалентными (в нормальных условиях) стоимостями мы имеем одностороннюю передачу стоимости и только лишь через какое-то (и, возможно, **очень продолжительное**) время — передачу другой стоимости в обратном направлении. Тогда как при подходе к этим товарам как к обладающим стоимостью лицензиям, никаких новых правил просто не понадобилось бы.

ГИТЛЕРОВСКАЯ АГРЕССИЯ И «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА» - РАЗНАЯ ФОРМА, А СУТЬ ОДНА

Ю. Михайлович

Сегодня много говорят и пишут о 60-летию Победы. И вместе с тем нередко кто-то с горечью, кто-то с недоумением, а кое-кто и с плохо прикрытым злорадством говорят о начавшейся после этого великого события «холодной войне» между вчерашними союзниками в борьбе против фашизма. Довольно часто в нынешнем многоголосом гомоне российской пропаганды раздаются не только нотки укора, но и прямые обвинения советскому руководству в развязывании этой «холодной войны». В то же время в адрес победителей и стран-победительниц стали появляться реплики вроде такой: сколько можно немцев тыкать носом в их поражение и беречь их национальные раны, ведь прошло уже 60 лет. Это, мол, аморально.

Невольно задумываешься: а чего в этих словах больше – ханжества, глупости или просто примитивной подлости? Наверное, всего с перекосом. Ведь только круглый идиот не понимает, что когда речь идёт о фашистской Германии, то разговор вовсе не о немцах, как нации, а о страшном, смертельно опасном, омерзительнейшем явлении всех времён и народов под названием фашизм. Если уж на то пошло, то ведь и «родителями» фашизма были отнюдь не немцы. Немецкая нация лишь одна из самых первых его жертв. Фашизм – явление всепланетное. А в своих истоках – это самое крайнее идеологическое проявление, порождённое реакцией империалистической буржуазии на рост левых сил и социализма. Вот и давайте рассмотрим, что же объединяет, кроме временного соседства, эти два, казалось бы, разнопорядковых явления – фашистскую агрессию и «холодную войну».

Как известно, фашизм зародился в самый разгар Первой мировой империалистической войны в 1916 году в Италии и окреп после её окончания. Буржуазия Германии лишь подхватила эстафету расплзания этой мерзости по всей планете. При этом надо признать и то, что империалистические круги Германии не сразу распознали своё внебрачное дитя. В 1923 году во время неудачного «пивного путча» немецкие фашисты были разогнаны мюнхенской полицией (кстати, с участием и будущего шефа гестапо Генриха Мюллера) которая использовала для этого довольно жёсткие меры с применением оружия, а их лидер Адольф Гитлер оказался в тюрьме. Однако, через два года Гитлер вышел из тюрьмы в обнимку с созданной при помощи его подельника Рудольфа Гесса рукописью книги «Четыре года борьбы против лжи, глупости и трусости», затем переименованной в «Майн кампф». В ней, спекулируя на антиверсальских настроениях и недовольстве немцев тяжёлым экономическим и политическим положением в стране, наряду с проповедью «теории превосходства германской расы» он выдвинул задачу по расширению «жизненного пространства» для Германии за счёт завоевания не только всей Европы, но и всего мира. При этом он особенно подчёркивал:

...мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешнеполитическим направлением нашей довоенной политики. Мы начинаем с того, на чём остановились шесть столетий тому назад. Мы прекращаем вечное германское устремление на юг и запад Европы и

обращаем взор на страну на Востоке. Мы расстаёмся, наконец, с колониальной и торговой политикой довоенного времени и переходим к территориальной политике будущего.

Когда мы сегодня говорим в Европе о новых землях, мы должны в первую очередь думать лишь о России и подвластных ей пограничных государствах...». (Тогда, кстати, как раз появилось первое в мире пролетарское социалистическое государство – Советская Россия, затем СССР).

После этого все богатейшие дома Германии открыли для фашистов не только двери своих домов, но и двери своих банковских сейфов. На подающее большие надежды детище империализма теперь обратили внимание и за морями-океанами. Патологический антикоммунизм, лежавший в основе нацистской идеологии, роднил души и устремления империалистической буржуазии и оголтелых национал-социалистов. В фашистскую казну ринулся нескончаемый денежный поток.

В то же время созданная после Первой мировой войны версальско-вашингтонская система договоров к 1939 г. была окончательно разрушена. Более того, главные её гаранты – Англия, Франция и США – даже потворствовали этому и одновременно всячески бойкотировали попытки создать систему коллективной безопасности. Например, американская дипломатия, следуя своей обычной тактике, стремилась представить дело так, будто США стоят в стороне от европейских событий и не несут ответственности за их развитие. На деле они полностью поддерживали те английские и французские политические круги, которые стояли за сговор с гитлеровской Германией. Ведущие западноевропейские страны и США считали, что им удастся договориться со странами фашистско-милитаристского блока, в первую очередь с Германией, не только отвести от себя угрозу агрессии, но и, возможно, даже разделить плоды победы, в которой они не сомневались. При этом вот здесь-то западные правящие круги проявляли особую активность, используя всё для поощрения агрессии против СССР: от поставок Германии вооружения, снаряжения продовольствия до сдачи ненасытным агрессорам на растерзание целых государств.

Такой угодливости перед захватчиками история международных отношений ещё не знала.

После Лозанской конференции 1932 г. Германия фактически была освобождена от выплаты репараций. Она выплатила лишь 11 млрд. золотых марок. Зато после конференции вчерашние противники Германии открыли ей все возможности для воссоздания былого военного могущества. Только для подъёма военно-экономического потенциала и перевооружения Германии Англия и США раскошались на 20 млрд. золотых марок. Общая сумма внешних займов, которые пошли в основном на милитаризацию экономики Германии, превысила 31 млрд. золотых марок, причём 70 процентов из них составляла доля США. В канун войны примерно 50 процентов нужного военной экономике Германии сырья и материалов она получила из Англии, Франции, США и контролируемых ими территорий. Как показали послевоенные расследования конгресса США деятельности некоторых крупных корпораций, вермахт не мог бы успешно вести войну без грузовиков, производившихся на принадлежавших американским концернам заводах «Опель» и «Форд», без авиамоторов и специального оборудования с заводов «Лоренц», без американских поставок нефти, осуществляемых компанией «Стандард Ойл». Так что напрасно изумлялись английские минёры, обезвреживавшие неразорвавшиеся немецкие авиабомбы после массированных налётов фашистской авиации на английские города в 1940 году, когда читали на извлечённых взрывателях: «Made in Great Britain». В результате усилиями фашистского режима военное производство Германии было увеличено за период с 1934 г. по 1940 г. в 22 раза, а численность вооружённых сил возросла в 35 раз.

Во имя поощрения и натравливания агрессора на СССР внешняя политика ведущих западноевропейских государств и США отличалась неподражаемым цинизмом: в пасть фашистским хищникам бросались отдельные районы и области независимых государств, а не редко и целые страны. Японских захватчиков «умиротворяли» за счёт Китая, итальянских – за счёт Эфиопии и Сомали. Правительствам стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы рекомендовалось вообще отдаться на милость гитлеровской Германии. Буржуазная печать по сути дела

нагло отрицала право Австрии, Венгрии, Чехословакии, Польши и ряда других стран на суверенное существование. Одной из первых жертв подобной политики «умиротворения» стала республиканская Испания.

Но может быть, такая политика была вовсе не натравливанием фашистской Германии на СССР, а вынужденной мерой с точки зрения отсутствия достаточных вооружённых сил для сдерживания агрессора? Но факты не подтверждают этих сомнений. Так, если ещё в 1938 г. Германия располагала 3454 боевыми самолётами, то Франция могла противопоставить 1271, Великобритания – 1550, Чехословакия – 1300, что в общей сложности ни по численности, ни по качеству не уступало Германской стороне. Более того, к осени 1938 года Чехословакия мобилизовала свои силы, и её 35 дивизий заняли специально укреплённые позиции, не уступающие по инженерному оборудованию знаменитой французской «линии Мажино». Немецкий генеральный штаб трезво оценивал возможности Чехословакии. Так, генерал Боденштац считал, что если Чехословакия решит оказать сопротивление, она может нанести германским силам потери, достигающие 60 процентов. Более того, на переговорах военных миссий в Москве в августе 1939 г. советская делегация заявила представителям Англии и Франции о готовности СССР развернуть и выставить в случае агрессии Германии в Европе 120 пехотных и 16 кавалерийских дивизий, 5 тыс. тяжёлых орудий, 9-10 тыс. танков, от 5 до 5,5 тыс. боевых самолётов. Даже в 1940 году, когда Германия уже развязала Вторую мировую войну и её армия была развернута по нормам военного времени, только вооружённые силы Франции, Бельгии и Голландии располагали 147 дивизиями (против 136 немецких), 3 тыс. танков (против 2580 немецких), 3 тыс. боевых самолётов (против 3800 немецких).

Кроме приведённой статистики историческая наука располагает и другими фактами. Так, французский военный историк полковник Пьер Ле Гуайэ на основе своих исследований утверждает, что если бы у Даладьё и Чемберлена хватило мужества сказать «нет» Гитлеру, не только бы не было войны, но рухнул бы и сам гитлеровский режим. Дело в том, что ещё план оккупации Чехословакии вызвал серьёзные разногласия между фюрером и генералом фон Браухичем и начальником генштаба генералом Бекем, которые

считали этот план азартной игрой самого низкого пошиба. Они были уверены, что Франция и Великобритания вмешаются и сорвут эту авантюру. Разъярённый Гитлер сменил начальника генштаба, но это не изменило настрое германского генералитета. Новый начальник генштаба генерал Гальдер с небольшой группой генералов подготовил план, согласно которому, когда Гитлер даст приказ наступать на Прагу, надёжные части выступили бы на столицу рейха, чтобы арестовать фюрера и его правительство, а затем путём свободных выборов было бы создано новое правительство.

Совершенно точно известно, что Чемберлен был полностью в курсе этого дела. Руководители заговора сумели передать ему послание, в котором говорилось:

Мы убеждены: если союзники торжественно заявят, что они готовы использовать силу, чтобы помешать Гитлеру захватить Чехословакию, фюрер откажется от своего замысла. Поэтому мы умоляем Великобританию и Францию недвусмысленно объявить свою позицию, причём как можно скорее, так как вторжение в Чехословакию назначено на 28 сентября. Кроме того, союзники должны знать, что если в самом невероятном случае Гитлер всё-таки решится привести в исполнение свой план, мы готовы помешать ему всеми средствами и отстранить его от власти!

Но Чемберлен не только не принял во внимание призыв немецких генералов, но даже не предупредил о полученном послании руководство Франции.

Таким образом, в Мюнхене главы правительств Великобритании и Франции ценой подлого предательства Чехословакии спасли Гитлера от свержения собственной армией, а Гитлер предстал в ореоле гениального государственного деятеля, фюрера, судьбой ниспосланного немцам. Захват Гитлером Чехословакии в марте 1939 г. раскрыл всю порочность проводившегося западными державами курса.

Итак, Германии предоставлялась «свобода рук» с надеждой, что она повернёт всю свою возвращённую военную мощь на Восток, как и намечалось в «Майн кампф». Английское правительство выражало удовлетворение тем, что Гитлер превратил Германию в «бастийон Запада»

против большевизма», а министр внутренних дел США в своём дневнике отмечал: «Англия ползает на брюхе перед Гитлером, боясь коммунизма». Не лучшим образом вели себя и французское и американское руководство. Так, в середине 1938 г., когда наиболее остро встал вопрос о создании системы коллективной безопасности, США не только отказались от совместных с СССР действий, которые могли бы предотвратить войну, но и заняли недружелюбную по отношению к нему позицию, отозвав своего посла из Москвы на целых полтора года, чем создали в дипломатических кругах впечатление, что советско-американские отношения находятся в состоянии глубокого кризиса. В свою очередь французская буржуазия пошла на оказание прямой услуги фашизму, развязав подлинную войну против собственного народа, Главный удар она обрушила на коммунистов – самых стойких и самых решительных борцов против фашизма. 26 сентября 1939 г. Французская коммунистическая партия была объявлена вне закона. Тысячи коммунистов были брошены в тюрьмы и концентрационные лагеря, были разгромлены различные демократические организации и их органы печати.

Нежелание правительств Англии и Франции заключить с СССР пакт о взаимопомощи с полной очевидностью выявилось в августе 1939 г. на переговорах военных миссий в Москве. В противовес советской делегации, заявившей о готовности СССР взять на себя конкретные обязательства, английские и французские представители не хотели принимать на себя никаких конкретных обязательств. Более того, глава французской делегации имел полномочия лишь на ведение переговоров, но не подписание конвенции, а глава английской делегации вообще не имел никаких полномочий. Не желая сотрудничать с СССР, английские и французские правящие круги видели в переговорах всего лишь своеобразный рычаг для давления на Гитлера, при помощи которого рассчитывая склонить его к соглашению с западными державами. Известный английский политический деятель Д. Ллойд Джордж по этому поводу откровенно писал:

Лорд Галифакс посетил Гитлера и Геринга. Чемберлен отправлялся в объятия фюрера три раза подряд. Он специально поехал в Рим, чтобы обнять Муссолини, сделать ему подарок в виде

нашего официального признания захвата Абиссинии и дать ему понять, что мы не будем чинить препятствий в его интервенции в Испании. Почему же в гораздо более мощную страну, которая предлагает нам свою помощь, представлять нас послали бюрократа из форин оффиса? На это можно дать лишь один ответ: господин Невиль Чемберлен, лорд Галифакс и сэр Саймон не желают союза с Россией.

Ллойд Джордж знал, что писал. Действительно, параллельно с англо-франко-советскими переговорами о военном сотрудничестве, Англия вела секретные обсуждения широкого круга вопросов с нацистской Германией. Британская дипломатия не теряла надежды найти с ней такое соглашение, которое позволило бы примирить антагонистические интересы двух соперничавших держав. Цель была одна: подтолкнуть гитлеровскую агрессию на восток, против СССР.

На первых порах, казалось бы, надежды ведущих западноевропейских государств сбываются. Фашистская Германия планомерно расширяла свою экспансию на восток. Вслед за Австрией и Чехословакией пришёл черёд и Польши. Фашистскую Германию не остановили заискивающие заигрывания польских политиков. О том, какой характер будет носить предстоящая война, Гитлер чётко заявил в своём выступлении перед главнокомандующими вермахта 22 августа 1939 г., накануне нападения на Польшу:

Я дам пропагандистский повод для развязывания войны, всё равно, достоверен он или нет. У победителя потом не спрашивают, сказал он правду или нет. В начале и в ходе войны важно не право, а победа.

Закрывать сердце для жалости. Жестокость. 80 миллионов человек должны получить своё право. Их существование должно быть обеспечено. Прав тот, кто сильнее.

Используя уже ставший после Первой мировой войны традиционным по-бандитски спровоцированный предлог, 1 сентября 1939 г. Германия запустила в действие разработанный ею план «Вайс» и всей своей военной мощью навалилась на эту страну. Самоубийственная политика правившей в то время в Польше профашистской клики Мосцицкого, Рыда-Смиглы и Бека, направленная не только на отказ от создания си-

стемы коллективной безопасности в Европе и сотрудничества с Советским Союзом, но и на соучастие с Германией в походе против СССР, дала свои логические результаты. Так называемые «гаранты безопасности» Польши по заключённым договорам – Англия и Франция - хотя и попытались грозно окликнуть Германию и даже, через несколько дней, объявили ей войну, но на практике пальцем не пошевелили для оказания помощи истекающей кровью стране. Это не входило в их расчёты, а Польша для них была просто очередной разменной монетой, очередным этапом подталкивания Германии к войне с Советским Союзом.

Для Германии же нападение на Польшу стало началом осуществления её агрессивных претензий на передел мира и мировое господство. Поэтому не случайно эта война превратилась во Вторую мировую, империалистическую войну. Она была сложным явлением, так как возникла и шла в условиях раскола мира на две непримиримые социально-политические системы. Если в Первой мировой войне нашли своё выражение лишь противоречия между соперничающими империалистическими державами, то Вторая мировая война явилась выражением двух групп противоречий: во-первых, между двумя капиталистическими коалициями и, во-вторых, между капиталистическим миром в целом и Советским социалистическим государством.

Тем временем, стремясь любой ценой повернуть германского агрессора против СССР, англо-французские правящие круги страстно ухватились за вспыхнувший военный конфликт между СССР и Финляндией. Дело в том, что советско-финляндская граница проходила всего лишь в 32 км от Ленинграда, что являлось серьёзной угрозой не только для Ленинграда, но и Кронштадта – главной базы Балтийского флота, так как дальность стрельбы крупнокалиберной артиллерии финнов серьёзно превышала это расстояние. Правительство СССР неоднократно предлагало Финляндии взаимно приемлемые условия урегулирования пограничного вопроса, но руководство Финляндии, одержимое идеей создания «великой Финляндии» и союзничающие с Гитлером, избрало путь обострения обстановки, что, в конце концов, и привело к вооружённому конфликту. Во Франции, в Англии, США и других буржуазных странах началась бешенная антисовет-

ская кампания. Французский журналист А. Кириллис отмечал: *«неописуемая ярость охватила буржуазию, дух «крестового похода» повеял отовсюду... Слышался лишь клич: «Война России!» Горячка антикоммунизма достигла своей крайней степени и приняла формы эпилепсии»*. Потребовался отрезвляющий разгром советскими войсками фашистской Германии и её союзника по Второй мировой войне - Финляндии, чтобы в сентябре 1963 года президент этой страны Урхо Калева Кекконен, бывший в 1939 г. министром внутренних дел, заявил:

«Когда сейчас, спустя более чем двадцать лет, мы поставим себя в положение Советского Союза в 1941 г., становится понятной та озабоченность, которую СССР испытывал и должен был испытывать в отношении своей безопасности в конце 30-х годов».

Ирония судьбы привела, в конце концов, ведущие западноевропейские государства к неожиданному для них финалу: весной 1940 г. гитлеровские войска внезапно разгромили войска англо-французских союзников и захватили почти все континентальные европейские государства, а Англию подвергли массированным авиационным бомбардировкам. Поверженная Европа была придавлена сапогом фашистского солдата.

Таким образом, к 1941 году на гитлеровскую Германию работала промышленность практически всей Европы. Даже нейтральные страны поставляли ей сырьё. Фашистские войска захватили вооружение почти 200 чехословацких, французских, английских, бельгийских, голландских и норвежских дивизий. К весне 1941 г. вооружённые силы Германии обслуживались почти 5 тыс. предприятий на оккупированных территориях. Её промышленный потенциал в 1,5 – 2 раза превосходил промышленную базу СССР.

Между тем Гитлер уже в то время достаточно ясно высказывался о том, что после победы над западными державами он направит все свои силы против Советского Союза. Так, в беседе со швейцарским комиссаром Лиги Наций по Дандцигу Карлом Якоба Буркхардтом 11 августа 1938 г. Гитлер говорил:

«Всё, что я предпринимаю, направлено против России; если Запад слишком глуп и слеп, чтобы понять это, то я буду вынужден договориться с русски-

ми для удара по Западу, а затем после его разгрома я направлю все свои объединённые силы против Советского Союза».

Войне с Советским Союзом и сам Гитлер, и его ближайшие соратники придавали особое значение. О ней, в отличие от войн с другими странами, они говорили как о «войне мировоззрений». При подготовке «войны мировоззрений» против Советского Союза имелось в виду нечто большее, чем военно-техническое планирование. На совещании командного состава 30 марта 1941 г. Гитлер не оставил никаких сомнений в том, что речь идёт о «борьбе на уничтожение»: *«Борьба будет сильно отличаться от борьбы на Западе. Жестокость на Востоке мягка для будущего».*

Только малая часть немецких военных и дипломатов предостерегала Гитлера от этой войны. Большинство были согласны с его целям и надеялись на быструю победу. Среди них оптимисты намеривались «молниеносной войной» достигнуть намеченной цели – линии Архангельск–Астрахань – в течение восьми, более осторожные – в течение шестнадцати недель. Даже вчерашний заговорщик и политический оппонент Гитлера генерал Гальдер 30 марта 1941 г., вторя Гитлеру, записал в своём дневнике:

Война двух мировоззрений. Уничтожающий приговор большевизму как антисоциальному сборищу преступников. Коммунизм – страшная опасность для будущего. Мы должны отказаться от идеи солдатского товарищества. Коммунист не был и никогда не будет товарищем. Речь идёт о борьбе на уничтожение... Будущая картина государства: Северная Россия принадлежит Финляндии. Протектораты – балтийские страны, Украина, Белоруссия. Борьба против России: уничтожение большевистских комиссаров и большевистской интеллигенции... Борьба будет сильно отличаться от борьбы на Западе. На Востоке жёсткость мягка для будущего. Руководители должны сами от себя требовать самопожертвования, преодолеть свои сомнения.

Подобные настроения были широко распространены в армии. Так, в военных директивах

четвёртой танковой группы генерала Гепнера говорилось, что война против России должна вестись «с неслыханной жестокостью». Верховное командование вермахта уже в марте 1941 г. заявило о своём согласии с тем, что рейхсфюрер СС будет «самостоятельно и под личную ответственность» выполнять «особые задания фюрера» в районе боевых действий сухопутных войск. За действия против «вражеских гражданских лиц», говорилось в указе о ведении военного судопроизводства от 13 мая 1941 г., «не будет обязательного преследования, даже если деяние является военным преступлением или проступком». Более того, «Приказ о комиссарах» от 6 июня 1941 г. санкционировал уничтожение политработников Красной Армии. В планах по хозяйственной деятельности и продовольственному снабжению в захваченных областях для многих миллионов людей была предусмотрена голодная смерть. Так, на заседании госсекретарей от 2 мая 1941 г. по поводу будущей деятельности оккупационных властей отмечалось:

«При этом, несомненно, погибнут от голода десятки миллионов людей... Несколько десятков миллионов человек на этой территории станут лишними и умрут или будут вынуждены переселиться в Сибирь».

Само собой разумеется, что такие же настроения пронизывали насквозь всю толщу военной машины вермахта. Так, бывший военный служащий вермахта, вспоминая взятие Брест-Литовской крепости, говорил: *«...не было никакой пощады. Для нас все они были коммунистами, «большевистской ордой». Вот так мы их называли. Русского следовало уничтожить, не победить, а уничтожить».*

Такую войну фашисты на нашей земле вели до самого её конца. Так, уже безудержно гонимые сокрушительными ударами Красной Армии, фашисты на покидаемой советской территории строго следовали указаниям Гимmlера от сентября 1943 г.:

«Надо делать всё, чтобы при отступлении с Украины там не оставалось ни одного человека, ни одной головы скота, ни единого грамма зерна, ни метра железнодорожного полотна, чтобы не уцелел ни один дом, не сохранилась ни одна шахта, и не было ни одного нео-

травленного колодца. Противнику должна остаться тотально сожжённая и разорённая страна.

Кстати, обратите внимание, как убого на фоне даже небольшого количества фактов выглядит стремление всех нынешних «демократических» политиков на постсоветском пространстве доказать, что армия или другие силовые органы находятся вне политики. Жизнь упрямо показывает, что армия - важнейший инструмент такой политической системы как государство - никогда и никак не может находиться вне политики.

Образование антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны – безусловно, величайшее достижение доброй воли народов сражающихся против фашизма стран. Это надо помнить и чтить всегда. Но нельзя забыть и того, что эту коалицию кое-кто воспринимал несколько своеобразно. Так, ещё в октябре 1943 г. известный британский авторитет в области стратегического планирования Лиддел Харт в секретной записке У. Черчиллю сделал откровенное признание, правда, не являвшееся секретом для Черчилля, о том, что по иронии судьбы мощь, которую англичане намерены смять, одновременно является самой мощной опорой западноевропейского здания. Поэтому Лиддел Харт призывал выйти

«за рамки ближайшей задачи, в сущности уже достигнутой (наступательный потенциал Германии сломлен), и позаботиться о том, чтобы длительный путь к последующей цели был расчищен от опасностей, уже довольно отчётливо вырисовывающихся на горизонте».

О том, насколько это всё было серьёзно, говорит и документ Управления стратегических служб (УСС) США, представленный вниманию

Квебекской конференции Ф. Рузвельта и У. Черчилля в августе 1943 г., в котором, наряду с другими, был выдвинут и такой вариант действий:

«Попытаться повернуть против России всю мощь непобеждённой Германии, пока управляемой нацистами или генералами».

Ныне широко известны события марта-апреля 1945 г., связанные с тайными переговорами эмиссаров США и Англии в Швейцарии с обер-

группенфюрером СС Карлом Вольфом. Нередко так называемое «дело Вольфа», как его называют на Западе, квалифицируют как первую операцию «холодной войны». По расчётам Аллена Даллеса, который вёл переговоры с нацистским представителем, германское командование сдало бы с рук на руки США и англичанам Австрию и некоторые другие «территории». Если бы не вмешательство СССР, то замысел предусматривал вслед за капитуляцией группировки вермахта в Италии открытие англо-американским войскам всего западного фронта при сохранении и усилении

сопротивления наступлению Красной Армии.

И в этом нет ничего удивительного, ведь если рассмотреть ВОВ с классовых позиций, то мы увидим, что она была не просто войной в обычном понимании этого слова, а формой классовой борьбы, где потенциальные эксплуатируемые (советский народ) противостояли потенциальным эксплуататорам (немецким фашистам). При этом союзники по антигитлеровской коалиции тоже были потенциальными эксплуататорами, а советский народ рассматривал себя не как нацию, конкурирующую за ресурсы с другими нациями, а как передовой отряд всех угнетённых представителей человечества, борющихся против всех угнетателей.

12 марта 1945 г. скончался президент Ф. Рузвельт. И уже на совещании в Белом доме 23 апреля 1945 г. преемник Рузвельта Трумэн поставил под сомнение полезность любых соглашений с Москвой. Кроме того, Джорджу Маршаллу и другим военным стоило немало труда урезонить великодержавный гонор нового президента, который всерьёз считал, что «русские» только мешают США в доведении войны до победы. Вот так, вроде как бы и не было катастрофы в Дюнкерке в 1940 г. и критической ситуации в Арденах в январе 1945 г. Обратите внимание, что Трумэн даже ещё и не знал тогда о работах американских учёных над новым оружием. Лишь 25 апреля из устного доклада военного министра Г. Стимсона он узнал о работах над атомной бомбой. Поэтому не случайно американцы стремились успеть до окончания войны показать всему миру свою атомную мощь. Сегодня всему миру известно, что атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки американцами была вызвана совершенно не военной необходимостью, а стремлением запугать всё человечество и в первую очередь, конечно, Советский Союз. Вероятнее всего, именно поэтому 19 мая 1945 г., всего лишь через 10 дней после торжеств в честь победы над Германией, заместитель государственного секретаря США Джозеф Грю писал: *«Если что-либо может быть вполне определённым в этом мире, так это будущая война между СССР и США».*

Уже через две недели после безоговорочной капитуляции Японии 19 сентября Объединённый комитет начальников штабов армии США принимает решение осуществить *«все подготовительные меры к нанесению первого удара (США), если он будет необходим»* по вероятному противнику: понимай - по СССР. И такой документ был подготовлен. 3 ноября 1945 г. ОКНШ рассмотрел доклад № 329 Объединённого разведывательного комитета, первый параграф которого гласил: *«Одобрить приблизительно двадцать наиболее важных целей, пригодных для стратегической атомной бомбардировки в СССР и на контролируемой им территории».* В докладе цинично отмечалось, что использовать атомные бомбы против полевых войск и транспортной сети не рационально. Поэтому в качестве целей были намечены крупнейшие города СССР, которые до тех пор, пока ещё не были превращены в руины предшествующими претендентами на мировое господство: Москва, Ленин-

град, Горький, Куйбышев, Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Баку, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Пермь, Тбилиси, Новокузнецк, Грозный, Иркутск, Ярославль. На гибель обрекались примерно 13 млн. советских людей. Такие наметки уточнялись и дополнялись в планах 329/1 (3 декабря 1945 г.) и 432/д (14 декабря 1945 г.). При этом прямо заявлялось, что у американской стороны «решающее» преимущество, поскольку *«в настоящее время СССР не располагает возможностью причинить аналогичные разрушения промышленности США».* Планом, утверждённым президентом США в 1948 г., было определено время начала военных действий против СССР – до 1 апреля 1949 г. При последующих разработках операций против СССР дата нападения сначала была перенесена на 1 января 1950 г., а затем на 1 января 1957 г. По плану «Дропшот» предусматривалось сбросить на 100 советских городов свыше 300 атомных и 250 тыс. т обычных бомб. Главные политические цели такой войны правящие круги США видели в разгроме СССР, «уничтожении корней большевизма» и установлении мирового господства.

При этом война США против СССР тоже, как и в фашистской Германии, не считалась «нормальной войной», как, например, против Германии или Японии. Ещё в 1944 г. новоявленные претенденты на мировое господство, вслед за Гитлером и его генералами, заявили, что будущая война будет «идеологической войной», или крестовым походом против коммунизма. В такой войне ставилась задача не предотвратить ущерб для собственной страны или победить противника, а именно уничтожить его. Советский Союз должен был, если бы началась эта война, исчезнуть с карты мира, поскольку он являлся социалистическим государством. Любого другого противника надо было бы только поставить на колени, а вот СССР надлежало именно испепелить, поскольку он олицетворял другую общественную систему.

В настоящее время широкое распространение в оппозиционной печати получил документ, датированный апрелем 1945 г., авторство которого приписывают видному американскому государственному деятелю, ярому антисоветчику и руководителю ЦРУ Аллену Даллесу. Этот документ по своему содержанию настолько откровенно циничен и гнусен, что у многих вызывает не

только отторжение, но и сомнение в его подлинности. Но несмотря на спорную подлинность этого конкретного документа намерения руководителей США сомнений не вызывают.

Программным, рубежным событием этого периода совершенно правильно принято считать выступление У. Черчилля в колледже небольшого американского городка Фултона в марте 1946 г. Именно с него принято отсчитывать начало длительного периода «холодной войны», завершившегося поражением в ней и развалом Советского Союза. Ныне появились голоса, которые пытаются подретушировать содержание этой речи, показать её безобидным, заурядным выступлением, суть которого, якобы, искусственно раздута советской пропагандой. В этом стремлении ставка делается на то, что в подлиннике эту речь мало кто читал, а в различных изданиях при её упоминании авторы отделяются одной, двумя фразами о её содержании. В то же время даже при кратчайшем, конспективном изложении этой речи ярко видна чёткая структура и далеко не безобидное её содержание.

Прежде всего, отставной премьер-министр и замшелый патологический антисоветчик постарался запугать аудиторию молодых слушателей опасностью овладения ядерным оружием каким-нибудь (читай – СССР) коммунистическим государством. Более того, в речи прямо указывается главный враг западного мира – СССР:

Сегодня на сцену послевоенной жизни, ещё совсем недавно сиявшую в ярком свете союзнической победы, легла чёрная тень. Никто не может сказать, чего можно ожидать в ближайшем будущем от Советской России и руководимого ею международного коммунистического сообщества и каковы пределы, если они вообще существуют, их экспансионистских устремлений и настойчивых стараний обратить весь мир в свою веру.

После того, как между западным и «коммунистическим» миром опустился «железный занавес», СССР, по мнению оратора, всячески подавляет все страны, оказавшиеся под его контролем. Особое беспокойство Черчилля вызвало то, что

Коммунистические партии восточноевропейских государств, никогда не отличавшиеся многочисленностью, приобрели непомерно огромную роль в жизни

ни своих стран, явно не пропорциональную количеству членов партии, а теперь стремятся заполучить и полностью бесконтрольную власть.

По его мнению, правительства этих государств носят полицейский характер. Кроме того, «В целом ряде стран по всему миру, хотя они и находятся вдалеке от русских границ, создаются коммунистические «пятые колонны», действующие удивительно слаженно и согласованно, в полном соответствии с руководящими указаниями, исходящими из коммунистического центра. Коммунистические партии и их «пятые колонны» во всех этих странах представляют собой огромную и, увы, растущую угрозу для христианской цивилизации...». Не устраивают оратора и итоги Второй мировой войны из-за громадного роста популярности и авторитета СССР и вообще всей ситуации, сложившейся в послевоенном мире, стремящемся избавиться от влияния колониальных метрополий.

Поэтому У. Черчилль считает, что в тот политический момент США оказались на вершине могущества и превратились в самую мощную державу мира. Именно вокруг них должны сплотиться все англо-говорящие страны. Более того, должен сложиться даже братский союз США и Великобритании. Основой этого «братства» должен стать теснейший военный союз, использующий потенциал обоих государств, включая и совместное использование имеющихся в их распоряжении островов в качестве военных баз.

Всё это, в конечном счёте, должно привести, по его мнению, к всемирной гегемонии «побратавшихся» наций: «Наступит такое время – а я уверен, что оно наступит, – когда станет реальностью институт общего гражданства...». Именно поэтому уже сейчас необходимо Организации Объединённых Наций обзавестись силовыми структурами для исполнения полицейских функций, а англо-говорящие «братья» «должны неустанно и бескомпромиссно провозглашать великие принципы демократических прав и свобод человека, являющихся совместным достоянием всех англоязычных народов...» Вот именно эти англо-американские ценности оратор провозгласил обязательной основой мировоззрения для всего населения планеты. Что же касается «русских друзей и союзников», то престарелый политикан считает, что они уважают и восхищаются лишь силой:

Поэтому мы должны отказаться от изжившей себя доктрины равновесия сил, или, как её ещё называют, доктрины политического равновесия между государствами. Если страны Запада будут едины в своей неуклонной приверженности принципам, заложенным в Устав Организации Объединённых Наций, то они своим примером научат уважать эти принципы и других...Поддержание таких отношений в течение многих и многих мирных лет должно обеспечиваться не только авторитетом ООН, но и всей мощью США, Великобритании и других англоязычных стран и их союзников.

Как обеспечивались эти «западные ценности» убедительно говорят факты. По данным американского института Брукингса, с 1946 по 1975 г. США 215 раз прибегали к демонстрации силы, 19 раз угрожали применить стратегическое ядерное оружие, причём в четырёх таких случаях – непосредственно против СССР.

В самом начале 90-х годов СССР прекратил своё существование, а вся англоязычная «братва» торжественно отметила свою победу в «холодной войне». Но вот со времени развала Советского Союза прошло исторически совсем немного времени и на российском телевидении в связи последними разногласиями со странами Балтии, Украиной, Грузией и прочими странами после того, как их облагодетельствовал в той или иной форме Заокеанский Большой президент, вновь заговорили о «холодной войне» с западным миром. Что это, журналистские гиперболы или возврат к прежней терминологии?

На наш взгляд, ни то и ни другое. Просто «холодная война» велась всем миром империализма против СССР не с благой целью освобо-

дить «несчастливых русских» от ига коммунизма и принять в свои объятия, а с несколько другими целями: во-первых, ликвидировать СССР как попытку построения другого общества, как пример всем угнетенным, и, во-вторых, начать, наконец-то, эксплуатацию населения территорий, выпавших из поля деятельности империализма, благодаря существованию СССР. С ликвидацией СССР первая причина отпала, а вторая вышла на передний план. Теперь противостояние приняло обычный свой вид – вид империалистического противоборства. С самого зарождения империализма, как высшей стадии капитализма, ему свойственен этот признак, открытый ещё В.И. Лениным в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма». «Холодная война» в этом смысле, т.е. между империалистическими странами, велась всегда, лишь иногда притухая или разгораясь в силу тех или иных политических обстоятельств. В разное время она перерастала в «горячие» формы и тогда проявлялась в виде общеизвестных русско-японских, балканских, первых и вторых мировых и прочих войн.

Существенную разницу в их характер внесло лишь Советское государство в период своего существования. В это время «холодная война» носила особо обострённый характер, направленный на безусловное уничтожение своего классового противника. Поэтому и хрущёвские сказки о политике длительного мирного сосуществования двух противоположных мировоззренческих систем останутся таким же рудиментом былой тупоголовости некоторых «знатоков» марксизма, как и недоброй памяти «общенародное государство» периода почившей в бозе Конституции СССР 1977 г.

Май 2005

УМЕЕМ ЛИ МЫ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМИ?

В. Подгузов

Чем в меньшей степени вы постигли сущность счастья, тем выше вероятность, что в ваш дом придет несчастье.

Конфуций

Можно ли построить коммунизм, не понимая, что такое счастье?

Вот уже двадцать первый век христоролюбивая часть человечества с каким-то странным умилением ждет... конца света, страшного суда, чистилища, а потому относится к жизни на Земле, как цыган к вокзалу, от которого он вот-вот отбудет навсегда и... обязательно в рай. Как сообщил еженедельник АиФ в одном из своих августовских номеров, даже бывших американских президентов в последнее время больше всего заботит уже не жизнь, а процедура собственных... похорон. В частности Буш-старший написал сценарий мероприятий, связанных с его отбытием в мир иной на 211 страницах, Картер на 411, а Форд – на 500.

Они, видимо, полагают, что попадут к богу в рай за одну лишь свою активность на религиозных праздниках, за количество поставленных свечей, независимо от своих земных делишек. Многим верующим кажется, что их бог удивительный лох. Все знают, что даже простому чиновнику для решения вопроса необходимо дать взятку, измеряемую многими тысячами долларов, а богу достаточно поставить копеечную свечку, построить постные глазки иконке его матери, тайно в исповедальне признаться священнику в самых мерзостных преступлениях и «поэтому» бог им ВСЁ простит. **Верующих** практически не заботит та часть «святого писания», в которой сказано, что вердикт «страшного суда» зависит от соблюдения людьми ЗЕМНЫХ заповедей Христа.

Само собой очевидно, если человек искренне **ВЕРИТ**, что максимальное счастье ждет его в раю, то он всю жизнь будет вождельно стремиться к смерти. Т.е. религия поступает весьма цинично, осуждая самоубийства и, в то же время, понося всё земное, как суету сует, пропагандирует счастливую жизнь после смерти.

Однако если обратить внимание на то, как мало места в Библии отведено описанию рая, и как дотошно регламентируются в ней многочисленные правила брэнной земной (особенно, половой) жизни, то становится ясно, что авторы «благовеста» были озабочены чем угодно, только не вопросами бытия в раю. Сказано только, что в раю души живут вечно и счастливо, если не вдаваться в детали. Правда, не в пример христианам, память мусульманина наполнена более занимательными картинками райских наслаждений в обществе пышнотелых гурий, ради которых малообразованному «моджахеду» относительно легко свыкнуться с мыслью о самоубийстве.

Прохладное отношение пророков христианства к пропаганде деталей вечно блаженства объясняется тем, с одной стороны, что удачно-спекулятивная находка, идея бессмертия, привлекательна сама по себе для любого смертного человека и не требует дополнительной рекламы, а с другой стороны, священнослужители сами не верят в наличии рая «на небеси». Как показала практика, даже папа римский, Иоанн-Павел-Войтыла, не только не торопился к богу в рай, но и делал всё, чтобы продлить свой земной путь. Так дорого лечиться, как Войтыла, и так трудно умирать могут только отъявленные любители земных удовольствий. Для искренне верующего в бога отнюдь не праздный вопрос:

почему Войтыла, будучи наместником бога на Земле, не смог произнести последние слова, обращенные к пастве, перед тем как отойти в мир иной. Почему он лишь беззвучно разевал рот?

Можно, конечно, спорить о том, каким был Войтыла человеком. Одно можно утверждать, что всякий раз, когда он задумывался о коммунистах и Советском Союзе, его душа наливалась удушающей ненавистью. Это чувство ненависти к идее счастливой жизни на Земле он пронес через всю свою сознательную жизнь. Глядя на черты его лица можно усомниться в том, что чувство мстительной ненависти продлевает жизнь и добавляет здоровья. Каждый поляк, который сегодня лезет головой в петлю или топит в пиве своё горе, должен понимать, что папа-Войтыла сделал для этого так же много, как и Рейган, Клинтон или оба Буша.

Но одна деталь райского бытия, в том числе и мусульманского, описана в Библии вполне категорично. Главным достоинством воцеленной вечной райской «жизни», по мнению составителей Библии, является, прежде всего, ПОЛНОЕ БЕЗДЕЛИЕ, отсутствие какой бы то ни было необходимости заботиться о хлебе насущном.

Современные люди, если они находят кошелек с деньгами, обычно испытывают радость, несколько большую, чем ту, которую они переживают при получении заработной платы аналогичной величины. Таковы психологические плоды тысячелетнего религиозного воспитания масс. Поэтому и в вопросах счастья до сих пор господствует мнение, что оно должно свалиться на голову неожиданно или, по крайней мере, не должно стоить особых напряжений. В таком случае это полноценное счастье. Т.е. беззаботность остаётся своеобразным критерием счастливой жизни в сознании большинства современных людей. Поэтому редко можно найти молодую современную женщину, ко-

торая не мечтала бы выйти замуж за олигарха. Сегодня всё труднее найти юношу, который не мечтает жениться на богатой старушке. В пуританской Америке женщины, как разборчивые путаны, не мучаясь угрызениями совести, меняют менее денежных мужей на более денежных.

Короче говоря, для искренне верующих, труд - тяжелейшее божье наказание за «грехи» прародителей. Отсутствие необходимости трудиться, наоборот, предельное блаженство, высший признак счастливой бытия.

Тем не менее, в рамках земной практики

Большой любитель жизни Войтыла

п о с л е д н и х двух тысячелетий, счастье в сознании большинства землян отождествлялось не столько с полным бездельем, которое всегда было привилегией высшего духовенства и олигархов, сколько

с обжорством, пьянством, прелюбодеянием, насилием и стяжательством.

Достижения современной медицины по пересадке богатым бизнесменам чужих сердец и других органов, широкая практика глубокого замораживания смертельно больных олигархов, когда в них ещё теплится жизнь, свидетельствуют о том, что земные формы нынешней жизни в сознании магнатов успешно конкурируют с постными райскими «наслаждениями», в которые они, к тому же, и не верят.

Судя по материалам криминальной хроники, современная элита и светская и духовная с восторгом относится к болезненной «шаловливости», например, римских императоров, маркиза де Сада, Дракулы, подражая им. Олигархи, министры, святоши время от времени превращаются в объекты внимания правоохранительных органов. Для всех исторических типов господ и для их холопствующей богемы характерным было стремление грешить, пока хватает здоровья. Плебеи всегда завидовали аристок-

ратам, и высшим счастьем для них была возможность хоть как-то прикоснуться к «прелестям» хозяйской жизни: подглядывать в замочную скважину, хакаририть «живота своего» во славу хозяина, долизывать тарелку после аристократа, лакать опивки из его фужера, одеваться в «версачи» от «секонд-хенда», покупать подержанные «иномарки», получать нобелевскую премию и др. подачи.

С появлением «Манифеста коммунистической партии» человечество узнало (правда, в самых общих чертах) о существовании принципиально иной концепции счастья. Земного. И тотчас все реакционные силы мира: демократы и фашисты, клерикалы и мафиози объединились в походе против этой маленькой книжечки и её читателей.

Однако необходимо признать, что за полтора века, прошедших после выхода в свет этого «Манифеста», коммунисты не смогли, в необходимой мере поведать миру о том, как будет выглядеть земное счастье людей эпохи окончательно победившего коммунизма.

Недостаточная разработанность данной проблемы и кондовая пропаганда открытий в этой области, уже сделанных классиками марксизма, привели к тому, что молодые строители коммунизма, даже сверстники «Павки Корчагина», вошедшие в ряды борцов за коммунизм из крестьянской среды, и потому, естественно, не развращенные «изячной» аристократической жизнью, тем не менее, «благодаря» своим крестьянским представлениям о счастье, со временем оказались во власти буржуазно-феодальной этики, ГОСПОДСТВОВАВШЕЙ в общественном сознании СТОЛЕТИЯМИ (с легкой руки художественной интеллигенции) в литературе, живописи, музыке, балете, архитектуре и кино.

Молодые рабочие и крестьяне эпохи гражданской войны относительно верно ориентировались в обстановке **прямого силового противоборства** классов, но, окунувшись в БЫТ эпохи «новой экономической политики», в значительной своей массе погрузились в перегнившую буржуазных страстишек. Позднее, во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., точно так, совершив под руководством Сталина и ВКП(б) подвиги невероятной силы самопожертвования, герои-фронтовики, политруки и «особисты» в своём большинстве превратились в обывателей. Многие из них оказались в «кот-

ле» идейного мешанства, мелкого чиновничества и болезненного карьеризма, скопидомства, бытового пьянства и т.п. «мелочей» АНТИкоммунизма.

Оказалось, что без достаточной КОНКРЕТИКИ в вопросе о коммунистической модели счастья, динамичное, **САМОДЕЯТЕЛЬНОЕ, ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОЕ** движение ТРУДЯЩИХСЯ к коммунизму **невозможно**. Вместо движения самоорганизованного рабочего КЛАССА в союзе с крестьянством и интеллигенцией в направлении коммунизма, трудящиеся относительно успешно справлялись, прежде всего, со строительством материально-технической базы социализма, да и то лишь потому, что, в свое время победила сталинская плановая модель строительства экономики, а не мелкобуржуазная бухаринская модель разгрома бескризисной экономики СССР.

В силу вековой традиции, величина личной «зарплаты», а не перспектива развития ВСЕГО общества, оставалась важнейшим ориентиром для миллионов тружеников. По-прежнему высоко ценился индивидуальный успех на фоне чужих неудач, личное изобилие в море уравнительного мелкобуржуазного благополучия. Ни Беломорканал, ни Комсомольск-на-Амуре не помогли преодолеть вековые традиции бескультурья в душах многих граждан. Даже целина, космос и БАМ явились лишь коротенькими эпизодами осмысленного энтузиазма в «девятом вале» насаждаемой обывательщины.

И хотя Сталин сделал много для развития действительной культуры народов Советского Союза, но этого оказалось мало, чтобы вывести мышление большей части советской интеллигенции и людей преимущественно физического труда за пределы религиозно-эгоистических, криминально-мелкобуржуазных критериев «счастья», сформулированных предшествующими тысячелетиями.

Не будет преувеличением сказать, что именно Сталину человечество обязано такими шедеврами как «Железный поток», «Разгром», «Как закалялась сталь», «Тихий Дон», «Хождение по мукам». Первый и единственный раз в **мировой истории искусств**, в советском искусстве, благодаря стилю работы Сталина с художественной интеллигенцией, вопреки их личной духовной и политической расхлябанности, мании величия и другим подобным «мелочам»,

не «дон-жуан», стяжатель, или нигилист, а честный, умный, деятельный труженик, борец против классового деления общества, Человек, воспринимающий страдания ближних острее своих, превратился в героя книги, сцены и полотна.

Но, строго говоря, ни основная масса партии, ни, следовательно, советские рабочие, ни, тем более, интеллигенты не поняли ГЛАВНОЙ идеи работы Ленина «Великий почин» как и прорывных идей Сталина, изложенных в работе «Экономические проблемы социализма в СССР». Вместо **активной, сознательной, бескомпромиссной, непрерывной** борьбы за превращение советского общества в реально **бесклассовое** общество, верхушка КПСС после смерти Сталина огульно провозгласила «новую историческую общность – советский народ», хотя на самом деле, народ продолжал прозябать в том же многоукладном, многоконфессиональном, в НЕДООБРАЗОВАННОМ, короче говоря, в «недоделанном», с классово-точкой зрения, виде.

Постепенное погружение советских литераторов в кухонную аксёновщину, нарастание сексуально-криминальной озабоченности мастеров кисти, смычка и пера, их завистливость, грызня, доноительство, комплиментарность, особенно пышно расцветшие в годы «оттепели» и «перестройки», доказывают, что большинство бывших советских художественных интеллигентов всегда считали и до сих пор считают, что строительство коммунизма должно было заключаться лишь в борьбе за **общедоступность** «высших достижений» **материального благополучия** БУРЖУАЗНО-ФЕОДАЛЬНОГО общества. Современная коммерциализация всех видов искусств, лишь демонстрирует то ЕДИНСТВЕННОЕ, что понимала, о чем всегда мечтала и за что боролась «богема». А поскольку коммунизм в принципе не мог обеспечить каждому интеллигенту олигархических радостей массажных салонов, постольку многие из них (всевозможные прокофьевы, нуриевы, протопоповы), больше думали о бегстве на улицу «красных фонарей», чем о добром и вечном. Поэтому вполне закономерно, что уже в самом начале «перестройки» огромный резонанс и одобрение в среде художественных интеллигентов получила статья некоей Попцовой-Пияшевой под характерным названием: «Чьи пироги

пышнее?»).

Ещё нагляднее «органику» души диссидентствующей интеллигенции можно проиллюстрировать на примере книги А. Толстого «Гипербоид инженера Гарина». Инженер Гарин - это не художественная фантастика, а **обобщенный** психологический портрет значительной части молодой интеллигенции, сформировавшейся в **классовом** обществе, в котором идея «сверхчеловека», фонтанирующая из неё и плохо маскируемая ЖАЖДА вседозволенности, были близки не только Ницше и Гитлеру, но и всем обывателям «в шляпе». Алексей Толстой, безусловный виртуоз слова и, одновременно, большой гурман и женский угодник, в этом произведении лишь обнажил мир маний и пристрастий обычного интеллигента периода своей собственной дореволюционной молодости. Ни один из прочих его литературных героев, например, персонажи «Хождения по мукам», по своей «живости» не стоят рядом с «инженером Гариним», которого А.Толстой понимал много лучше, чем Ивана Гору.

Между прочим, Сталин, в переписке с А.Толстым, предлагал ему сделать героем романа пролетария. Но Толстой ответил Сталину, что, если ему удастся показать перерождения дворян и интеллигентов в сторонников социализма, то это, якобы, будет сильнее, чем показать становление рабочего в качестве революционера, с которым, дескать, и так всё ясно. Сталин уступил Толстому, но не потому, что тот его убедил. Просто Сталин понял, что Толстой не «поднимет» проблему пролетария, а сделает занудную схему вместо образа, как это уже получилось у большинства литераторов того времени.

Иными словами, даже лучшие советские писатели НЕ ПОНИМАЛИ действительно положительного героя, Человека. Пастернак понимал белогвардейцев и бесхребетного Живаго лучше, чем красных партизан. Даже Шолохов понимал Мелехова и Щукаря лучше, чем Давыдова или Нагульнова. В своем понимании живых людей Солженицын не поднялся выше Ивана Денисовича. Пожалуй, только Н.Островский понял красоту природы Павки Корчагина так же глубоко, как и «нафталинность» Тони Тумановой. Если классикам порой и удавалось «сфотографировать» героя своего времени (Онегина или Печорина), то образ коммуниста

редко кому из советских писателей удавалось сделать живым и располагающим к себе, превращающимся в безусловный пример. Писателям не хватило ни ума, ни сердца, ни образovanности, ни художественного воображения.

В некоторой мере образ коммуниста мог бы развернуть, например, Горький, поскольку ему удались такие персонажи, как Данко, Сокол, Павел Власов, Ниловна. В некоторых своих поздних произведениях он уже и Ленина пытался показать в положительном свете. Но Горького так основательно донимали «несвоевременные мысли», проблемы «богоискательства и богостроительства», он так долго описывал «дачников» и «дно», пытаясь вызвать отвращение к обывательщине, что Человек оказался в меньшинстве в его творчестве. Между тем, речь в искусстве должна идти не столько о том, ЧТО достойно презрения (это сделать относительно легко), общество и без того захлёбывается собственными духовными «испражнениями» и злобой, а о том, ЧТО необходимо осмысленно **любить**, чтобы быть счастливым.

Не может быть заметного нравственного прогресса в обществе, в котором ещё не родился художник, способный подняться до **художественного** отражения богатейших по содержанию образов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Дзержинского, Фрунзе, Арманд, Лазо, Макаренко... «В курганах книг, похоронивших...» пока нет поэм и романов, в которых были бы адекватно изображены фигуры, сколько-нибудь близко стоящие к названным Личностям. Вся библиотека ЖЗЛ не достигла поставленной перед ней цели. **Прозаики** в абсолютном большинстве своём не смогли постичь личность людей, безгранично любивших человечество и давших достаточно много принципиальных ответов на вопрос: как сделать КАЖДОГО человека счастливым? Пока Земля рождает лишь близоруких аксеновых, граниных, рыбаковых, не способных разглядеть, что либо большее, чем обывателя с Арбата.

Для миллиардных толп заурядобывателей, как и для тысяч представителей бомонднтеллигенции, нет и пока не может быть никакого иного понятного, прочувствованного образца для изучения и подражания, кроме Нерона и Калигулы, Леньки Пантелеева и Джека-потрошителя. Уровень духовности этих персон, и являлся ВЕДУЩИМ ориентиром для КАЖДОГО «ар-

хитектора» нового порядка, начиная с «инженера Гарина» и кончая Адольфом Гитлером, Александром Яковлевым, Ельциным, Чубайсом, Гайдаром... Именно поэтому, выбившись «наверх», российские олигархи стараются приобрести, например, яхту, длиннее, чем у королевы Англии, купить корону Российской империи или, хотя бы, императорские яйца от Фаберже, чьё-нибудь дворянское родовое «гнездо», дачу Сталина. Как выразился в своё время один из олигархов, ныне отсиживающийся в Лондоне: «Нет ни одного предпринимателя, который бы сделал свой капитал, не совершая преступления».

Не случайно хрущевская, а в равной мере и косыгинско-андроповская модель «строительства коммунизма» были сведены, в основном и главным, к вопросу о том, как бы напихать в каждого советского человека материальных ценностей больше, чем в США, т.е. как бы пережрать среднего статистического американца. Именно в рамках подобных стремлений «душа» советского человека, победителя в Великой Отечественной войне, и превращалась в мелкотравчатую среднеевропейскую душонку. Великий народ был призван переводить неуклонно возрастающее потребление среднестатистической «души» в растущее количество отходов, в стаптывание определенного количества пар обуви в год, в протирание некоторого числа штанов, диванов и т.п.

Таким образом, как показала практика крушения СССР, для превращения людей XX века в последовательных сторонников коммунистической науки совершенно **недостаточно** «сухого», академического и даже художественно-цветастого разоблачения механизмов эксплуатации человека человеком в условиях рыночной демократии, **хотя это и необходимо**. Современные коммунистические литераторы, публицисты и ученые в большом долгу перед павшими предшественниками, перед миллионами детей, погибших в эпоху реставрации капитализма в СССР. Социально-политические, экологические и демографические преступления рыночной демократии, короче говоря, современный геноцид, требуют от коммунистов и литераторов новых «Принципов коммунизма», «Великих починов», «Педагогических поэм», «технологий» закалки человеческой стали и т.п. произведений. Но пока уровень культурного раз-

вития российского интеллигентства так низок, что его хватает лишь для отождествления счастья либо с оргазмом, либо с покупкой чего-либо, а так же с «глюками», получаемыми от алкоголя и наркотиков.

Большая часть человечества всё ещё «думает», что счастливая жизнь это, когда приступы блаженства посещают людей на субботних шашлыках или по большим религиозным «разговлениям». Большинству людей неведомо, что счастье каждого человека может напоминать собой кривую на графике, неуклонно уходящую всё выше и выше, с некоторым ускорением.

Марксу и Энгельсу, Ленину и Сталину, разумеется, пришлось перетерпеть немало сложных минут в жизни, принимая на себя удары неблагодарного и неразумного рыночного человечества. Но нет свидетельств, что их когда-нибудь посещало настроение, в котором едва ли не большую часть жизни пребывали такие, например, могильщикам коммунизма как Гитлер, Гёббельс, Хрущев, Горбачев, Квантришвили, Ельцин, Волгогонов, Егор Гайдар, Чубайс, Старовойтова, Юшенков, Шеварднадзе, Ходарковский ... Не трудно представить с каким настроением ныне размышляют над своим будущим, например, Саакашвили, Ющенко, Тимошенко и многие другие провокаторы бессмысленных «революций».

Главная проблема на пути достижения всеобщего счастья

Вот уже не первое десятилетие демократические журналисты с упорством коллективного Сизифа, пытаются подвергнуть остракизму марксистское учение о классах, как будто можно уничтожить общенаучную методологию классификации явлений (группа, семейство, род, вид, класс и т.д.), благодаря применению которой и возникли многие науки, от ботаники до социологии. Неизвестно, кто первый применил метод деления образцов растительного и животного мира на классы, но известно, что одним из первых в науке, разделившим общество на классы, был... не Маркс, а Кене, личный врач маркизы Де-Помпадур. Маркс просто признал научную продуктивность такой мето-

дики и довел этот «алмаз» познания до «бриллиантовой огранки».

Любого житейски опытного человека, сам факт нападков газетной своры олигархов на теорию классового деления общества мог бы навести на мысль о том, что это учение, видимо, играет важную роль в деле понимания причин возникновения социальных антагонизмов. Но практика показывает, что основная масса населения РФ все ещё не приобрела достаточной житейской мудрости. Поголовная и безмолвная «ваучеризация», сделавшая граждан СССР «бывшими» собственниками, история с МММ, Содбизнесбанком, сделавшая граждан РФ бывшими вкладчиками, грабительская пенсионная система, сделавшая многих пенсионеров покойниками и многие другие трагедии состоялись лишь благодаря политической ИНФАНТИЛЬНОСТИ наших соотечественников. Пройдет много времени, грянет ещё немало взрывов, контрольных выстрелов в голову, случится немало «Норд-Остов», Бесланов, «Аква-парков» и Шарм-эль-Шейхов, прежде чем большинство поймет, что ВСЕ наши несчастья являются закономерным продуктом объективного деления общества на класс предпринимателей и класс наемного быдла (в том числе и главных редакторов глянцевого журналов).

Причём рост числа и масштабов трагедий в жизни общества прямо пропорционально даже не самому факту деления, а **КОНТРАСТУ** классового деления общества. Чем контрастнее классовая структура общества, тем масштабнее страдания масс.

В частности, НИКОГДА в истории человечества экономический и, следовательно, политический контраст между классом олигархов и классом трудящихся не был так велик, как в XX веке. К этому времени практически ВСЕ материальные и духовные богатства Земли уже находились в частной собственности или под монопольным контролем буквально нескольких десятков олигархов (верхушки класса предпринимателей), и именно поэтому в XX веке земное сообщество вынуждено было пройти через геноцид ДВУХ МИРОВЫХ ВОЙН, организованных олигархами. Монополисты США потому и создавали в ходе второй мировой войны атомную бомбу в условиях беспрецедентной секретности от союзников, чтобы затем продиктовать всему мировому сообществу свою волю.

Именно по воле монополистов США вторая половина XX века превратилась в нескончаемую череду локальных интервенций США против освободившихся стран (Китай, Греция, Корея, Египет, Куба, Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Гренада, Панама...).

В настоящее время мир погрузился в кошмары перманентного «терроризма», означаящего «всего-навсего», борьбу крупной буржуазии тех наций, которые только выходят на большую дорогу мирового рынка, против олигархов США и Европы. Жаль что «моджахеды» не понимают сути происходящего и задумываются над тем, почему среди смертников нет ни одного арабского нефтяного магната, почему самоубийство – удел молодых представителей класса трудящихся?

Другой конкретный пример. Пока энергетическая СИСТЕМА СССР не принадлежала классу олигархов, а была всенародным целостным достоянием, СССР был единственной страной мира, избавленной от энергетических кризисов. Когда энергосистема СССР оказалась разворованной несколькими «акционерами», практически все народы СССР оказались обреченными на ПЫТКИ холодом, безводьем, мраком, безвестьем и ростом цен на гаснущий свет и уходящее тепло. Во многих современных армянских, грузинских, сибирских, таджикских городах и селах люди практически забыли, что такое электрический свет. Иначе говоря, как только ВСЯ энергия оказалась в руках нескольких частных собственников, тотчас же объём энергетического потребления класса наёмных работников стал катастрофически снижаться, временами и местами до абсолютного нуля.

До падения СССР только «цивилизованный» Запад, обладал приватизированной, т.е. бессистемной энергетикой, и раз за разом переживал периодические выключения местных электрических сетей, энергетические кризисы той или иной этиологии. Но советский обыватель не замечал того энергетического рая, в котором жил практически бесплатно. Он не замечал и того, что именно западная экономика является родиной мертвых рек, озоновых дыр, самой грязной зоны мирового воздушного океана, рекордов в области заболевания раком, СПИДом, аллергиями и т.п. «прелестями» экономики, основанной на господстве частной соб-

ственности.

Таким образом, рыночная (классовая) и коммунистическая (бесклассовая) модели организации общества соотносятся примерно так же, но не буквально, как анархическая энергетическая «система» РАО ЕЭС и единая энергетическая система СССР. Первая, рыночная, способна в нарастающем масштабе генерировать массовые катастрофы, граничащие с геноцидом (от отключения отдельного неплательщика до обесточивания целых регионов), а вторая, коммунистическая, не только ИСКЛЮЧАЛА подобные отключения, не только СПЕЦИАЛЬНО создавалась с расчетом на их невозможность, но и предполагала, по мере развития советской энергетики, мобилизацию всех ресурсов страны для ликвидации предпосылок возникновения дискомфорта любого вида.

По мере отказа от научного принципа централизованного управления экономикой, т.е. начиная с «эпохи» Хрущева, когда директорский корпус СССР превратился в клан хозяйчиков, в фактических владельцев заводов, газет, пароходов, в стране началось неуклонное нарастание количества и масштабов катастроф. Система Гражданской Обороны СССР в условиях рыночной демократии перестала справляться с «девятым валом» социально-техногенных трагедий. И поскольку чрезвычайные ситуации превратились в основное содержание жизни миллионов граждан РФ, постольку демократы были вынуждены создать МЧС РФ, т.е. специальное Министерство Чрезвычайных Ситуаций, самое мощное и богатое (среди российских министерств). Шойгу, несомненно, самая узнаваемая «звезда» современного российского экрана. Но даже в этих условиях массовый обыватель всё еще не видит ПРЯМОЙ, кровоточащей связи между успехами в строительстве рыночной, т.е. классово-экономической и темпами перерастания чрезвычайных ситуаций в геноцид на всей территории бывшего СССР (помятая и факт нынешнего первенства бывших советских прибалтийских республик в мире по числу суицидов на «душу населения»).

Интересно, сколько еще нужно пережить мировых войн, не говоря уже о «бесланах» и «лондонах», чтобы человечество поняло простую вещь: **чем решительнее общество займется ликвидацией своего деления на классы, тем реже и мельче будут «прису-**

пы» трагедий.

Но даже в партийной литературе КПСС постсталинского периода учение о классах распространялось лишь на вопрос о власти. Профессорам было необременительно мусолить эту тему, поскольку именно эта важнейшая часть учения о классовой борьбе была наиболее детально разработана классиками марксизма-ленинизма. Беспомощные труды «видных советских экономистов», таких как Варга, Йоффе, Кудрова, по теории экономического соревнования двух систем, не имевших ничего общего с ленинским учением об

экономическом соревновании коммунизма с капитализмом как о форме классовой борьбы, ни в коей мере нельзя считать теорией по данному вопросу. Не будет преувеличением, если сказать, что СССР проиграл экономическое соревнование с США в 80-е годы именно «благодаря» усилиям «видных советских экономистов» в том числе Абалкина, Аганбегяна, Арбатова, Бунича, Канторовича, Лисичкина, Шаталина, Шмелёва... Теоретики-пятидесятники занимались, с из-

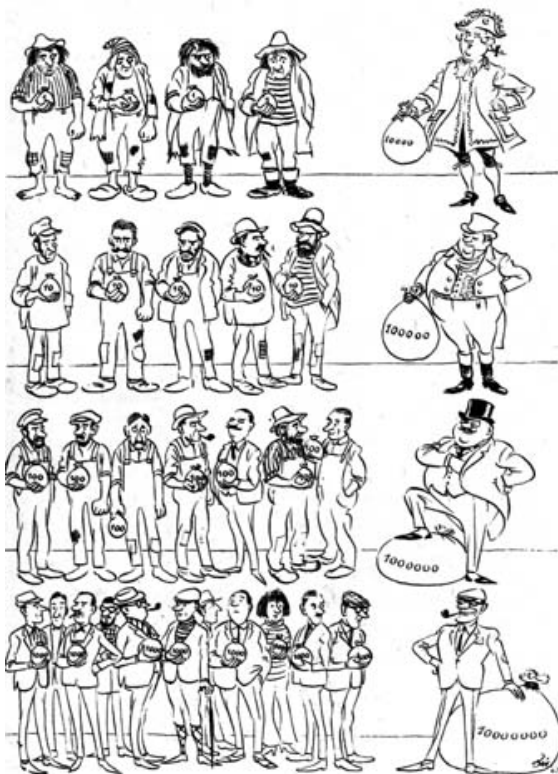
рядной фальшью, лишь перепевом «задов» марксизма. Строго говоря, КПСС не хватило ума, чтобы адекватно отразить в общественной теории проблемы классовой борьбы 50-80-х годов XX века.

До сих пор в среде «левых» бытует мнение, что пролетариат и рабочий класс – синонимы, что класс **пролетариата**, рожденный рыночной экономикой, чуть ли не автоматически превращается в рабочий класс, пригодный для строительства коммунизма. А уж о теории действительного перерастания рабочего класса эпохи социализма в человеческое сообщество эпохи коммунизма, «видные советские обществоведы» или не вели речь вообще, или вели крайне формально и боязливо. Причем, обществоведы боялись не руководителей постсталинского

КГБ, которое само в полном составе в вопросах марксистской теории не разбиралось, а боялись, прежде всего, взаимного доносительства, своих коллег, которые, в силу невежества, добровольно осуществляли самую разнузданную взаимную цензуру, допуская в печать лишь абсолютно тривиальные, серые идеи, дабы не пропустить вперед себя кого-нибудь вверх по иерархической лестнице. Более того, в последние годы именно бывшие «видные советские экономисты» ежегодно в дни рождения возносят хвалу Андропову, Председателю КГБ при

СМ СССР, как главному гаранту рыночной реформы в СССР, которая была начата им ещё в 1983 году под шумок о борьбе за дисциплину.

Не осознавалось и не осознаётся в должной мере и то, что промышленный пролетариат, во всех случаях, даже в развитых странах, физически составляет меньшинство населения, если, конечно, **научно** оценить **классовую** принадлежность остальной части населения: детей, стариков, домохозяек, безработных, студентов, работников системы образо-

вания и науки, служащих силовых ведомств, людей свободных творческих профессий, заключенных, служителей культов и чиновников, не объединенных борьбой против тирании класса предпринимателей. Остается недооцененным то обстоятельство, что пролетариат в любой стране образует самое угнетаемое и ограбляемое социальное **МЕНЬШИНСТВО**, и потому класс наёмных промышленных работников вынужден компенсировать этот свой недостаток **партийной ОРГАНИЗОВАННОСТЬЮ** (которая удесятерит силу), **научностью** своей политики и **последовательностью** своей диктатуры.

В эпоху строительства социализма, т.е. в переходную эпоху, диктатура рабочего класса по отношению к буржуазии призвана, прежде все-

го, обезвредить генератор массовых НЕСЧАСТНЫХ, т.е. СИСТЕМУ рыночных **отношений**, для начала, вырвав клыки ВСЕМ олигархам, а не одному из них, самому прожорливому. В качестве первого шага большевиков на этом пути, как известно, предполагалось отстранение всего класса олигархов (и их более мелких собратьев) от политической власти. На последующих этапах своей диктатуры рабочий класс должен был политическими методами обезопасить **строительство НАУЧНО обоснованной системы ОТНОШЕНИЙ** между членами общества, **ГАРАНТИРУЮЩИХ** не только избавление человечества от нескончаемых несчастий, но и утверждение **ПРИНЦИПАЛЬНО НОВОГО** типа общественных отношений и, следовательно, массового, непрерывного **развивающегося** счастья.

Именно о налаживании СИСТЕМЫ «чрезвычайно тонких общественных отношений» как о самой **СЛОЖНОЙ** и **ЖИЗНЕННО ВАЖНОЙ** задаче диктатуры рабочего класса неоднократно говорил Ленин после октября 17 года, но был недопонят даже многими современниками.

То есть, по мере положительного решения вопроса об укреплении политической власти, диктатура пролетариата должна адекватно дополняться и развивать свое **содержание**, акценты и формы борьбы. Диктатура не исчерпывается только вопросами политической власти. Наоборот. По мере решения этой проблемы, круг предметов, на который распространяется бескомпромиссная диктатура рабочего класса, расширяется. В свою очередь, каждый новый успех диктатуры пролетариата за рамками военно-политической сферы, например, в сфере науки и искусств, укрепляет политическую власть рабочего класса и (именно в меру успехов культурной революции) делает её необратимой. Например, одной из причин военной Победы СССР в Великой Отечественной войне является победа СССР в образовательном соревновании с мировой рыночной экономикой. В отличие от своих зарубежных современников, Сталину удалось существенно поднять образованность населения страны, сделать **ВСЕХ** граждан СССР более развитыми в культурном отношении по сравнению с гражданами остального мира. Именно поэтому, в конечном итоге, страна с более высокой общей культурой населения смогла противостоять объединенной фа-

шиствующей Европе и вероломству остальной части демократического Запада.

Многие «левые» до сих пор труднее всего постигают ту часть учения марксизма, в которой говорится, что построение коммунизма будет означать не только исчерпание исторической миссии диктатуры рабочего класса, но и исчезновение самого рабочего класса. **Классовый подход для выработки дальнейшей стратегии движения общества по пути счастья станет неприменимым.** Современным коммунистам уже не помогут отговорки о том, что, якобы, до полной победы коммунизма ещё далеко, а потому об исчезновении рабочего класса говорить преждевременно. Или современные коммунисты способны ответить научно на этот вопрос, или они не коммунисты. А отговорки, что протестные акции сжирают у современных коммунистов столько времени, что на развитие революционной теории не остаётся ни времени, ни сил, ни ума, уже никого обмануть не могут.

Иначе говоря, проблему человеческого счастья невозможно решить без применения классового подхода и, в то же время, невозможно решить проблему счастья на основе одного лишь классового подхода. Проблема счастья решается в той мере, в какой решена, т.е. преодолено уродство классового деления общества, и, в то же время, именно всеобщее счастье может явиться критерием, подтверждающим полную ликвидацию классового деления общества. Только общество, достигшее всеобщего счастья, может говорить об исчезновении классов.

Однако с исчезновением классов в структуре социума никуда не исчезнет проблема вечной «разделённости» общества на мужчин и женщин, на контрастные возрастные категории, на людей с разными темпераментами и характерами, уровнями гениальности и задатков, на представителей разных профессий, на людей практически здоровых и не очень.

Таким образом, если борьба за власть является эпизодом в стратегии коммунизма, то борьба за обеспечение непрерывного счастья каждой личности в условиях её поэтапного развития - есть главное содержание этой борьбы, **РЕШАЮЩАЯ** составная часть теории и практики коммунизма. Работа по обеспечению счастья для всех и каждого и есть вечная задача **ПРОГРЕССИВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ** человечества, каждого творца на всю «оставшуюся» ис-

торию человечества **после** победы коммунизма, т.е. построения реально очеловеченного общества.

Научно разрешить проблему удержания уровня счастья в обществе на «экспоненте» можно лишь в том случае, если использовать свойства всех социальных структур общества и учитывать тот факт, что на протяжении своей жизни каждая личность претерпевает несколько социально-возрастных и профессиональных метаморфоз, т.е. время от времени переходит в новую для него социальную категорию.

Для движения общества по экспоненте счастья необходимо бесперебойное воспроизводство достаточных условий счастья, или, образно говоря, объективных условий простого воспроизводства счастья. Однако простой факт роста численности населения предполагает необходимость непрерывного расширения объективной и субъективной базы расширенного воспроизводства счастья. Необходимо также учитывать, что каждый человек предрасположен как к восхождению в любой сфере жизнедеятельности, порой прерываемому только смертью, так и к постепенному угасанию каких-то качеств и задатков. Тем не менее, человеческий опыт показывает, что независимо от изменений, происходящих в личности, общество способно обеспечить необходимый уровень комфорта личности, перешедшей в иное, даже менее продуктивное, качественное состояние. Как сказал поэт: «У природы нет плохой погоды...». Счастье может быть младенческим и детским, подростковым и юношеским, мужским и женским, спортивным и научным. Даже старость, как показывает практика, может быть, при определенных социальных условиях, счастливой.

Естественно, смерть является большим всеобщим несчастьем и законом природы одновременно. Но современное социальное устройство общества делает всё возможное, чтобы смерть практически всегда была ПРЕЖДЕВРЕМЕННОЙ, чаще всего мучительной или страшной, в расцвете сил умирающего. Коммунизм же способен превратить смерть в закономерный «закат» сознания, не вызывающий у индивида ни малейшего потрясения или мучений на рубеже ... 300-400 и более лет от роду. Тот факт, что сегодня редкий житель Земли доживает до ста лет является объективным следствием АБСО-

ЛЮТНО ИДИОТСКОЙ, т.е. рыночной организации общества.

Неопровержимый факт: пока существовал СССР, средний показатель продолжительности жизни его населения РОС. По мере же нарастания рыночных реформ этот показатель стал замедляться в своём росте, а после победы рыночных отношений стал неуклонно снижаться. Но пока даже эти факты не могут отрезвить большинство обманутых вкладчиков-самоубийц.

Чтобы построить общество счастливых людей и жить в нем, ученые уже сегодня должны безотлагательно приступить к разработке вопросов о сущности и содержании, об общем и особенном детского, подросткового, юношеского, мужского, женского, профессионального счастья, а так же важнейших вопросов обеспечения счастья, образно говоря, для дедушек и бабушек. Абсолютно необходимо сформулировать объективные и субъективные предпосылки счастья, открыть ЗАКОНЫ их формирования, объективные и субъективные предпосылки для перехода людей из одной возрастной, половой или профессиональной категории в другую, без болезненной, тем более, смертельной ломки, как это происходит повсеместно в наши дни. Счастьем можно и нужно учиться предметно.

О том, что современная «цивилизация» идиотична, свидетельствуют многочисленные факты. Известно, что в двадцатом веке среди рыночных демократий наибольшего экономического успеха (в рамках рыночного понимания этой проблемы) добилась Япония. Но именно пропорционально этому «успеху» миллионы людей погрузились в идиотизм трудоголии. Например. Не так давно в газете «Дейли мейл» была опубликована статья, в которой описан опыт работы ирландца Найала Муртага в японской фирме «Мицубиси». «Порядки», установленные в ней для сотрудников фирмы, даже европейскому трудоголику показались плодом сумеречного сознания. Перепечатка этой статьи в газете «Мегаполис-Новости» совершенно справедливо озаглавлена как «Японский дурдом». То есть, при самой преуспевающей рыночной демократии, относительная решенность материальных бытовых проблем достигается за счет массовой психопатии. Но, к сожалению, многим ещё долго будет казаться, что подоб-

ные и пока ещё редкие публикации отражают лишь частные случаи, а не «счастливое» правило рыночного «благоденствия». На самом деле, вопиющие уродства, зарисовки с которых лишь время от времени прорывается на страницы «свободной» ЧАСТНОЙ прессы, и являются безусловным законом рыночной жизни. Сомневающимся нужно почаще останавливаться в японских и гонконгских гостиницах для трудоголиков и посещать суррогатные семьи для холостых японцев, чтобы понять всю иллюзорность социального прогресса рыночного общества.

В силу этих обстоятельств перед учеными, сохранившими в рыночных условиях научную добросовестность, стоит необычайно «ювелирная» задача: открыть законы и на их основе построить теоретическую модель ПОВСЕДНЕВНОЙ жизни общества, в котором материально-бытовые ПРОБЛЕМЫ, уродующие современное общество, отсутствуют полностью, но, в то же время, отсутствие страха и алчности, не сопровождается интеллектуальной, волевой и моральной деградацией людей, а наоборот пробуждают доселе неиспользованный потенциал человечества. Конечно, в наиболее общих чертах эта проблема уже блестяще решена классиками марксизма-ленинизма. Однако, строго говоря, **в развитие этих идей в современной коммунистической литературе не написано ещё практически ничего, что привлекло бы внимание массового, а тем более, вдумчивого читателя.**

Говорить же о достижимости счастья в условиях общества, разделенного на противоположные классы, это все равно, если думать, что можно кормить всех млекопитающих, как бизона, сеном или, как дельфина, только рыбой, поскольку все они из класса млекопитающих. В обществе, состоящем из небольшого количества владельцев ВСЕХ средств существования и постоянно растущего числа владельцев ОДНОЙ лишь **своей** умственной и физической рабочей силы да некоторого количества скоропортящейся домашней утвари, не может быть счастья, какого либо одного типа. Более того, в обществе, разделенном на классы счастье недостижимо **ни для кого, поскольку**, как показывает многовековая практика, БОРЬБА всех против всех и составляет содержание ПОВСЕДНЕВНОЙ жизни общества, разделенно-

го на классы. Закономерно, что именно в классовом обществе неуклонно набирают масштабы наркомания и алкоголизм, охватывающие все социальные слои населения (от младенцев до стариков, от «бомжей» до олигархов). Все это, вместе с разбуханием полицейского и судебного аппарата, индустрии развлечения, ростом игорного бизнеса, масштабов и изощренности садизма, маньячества, ДОКАЗЫВАЕТ, что демократическое общество не получает от реальной рыночной жизни сколь-нибудь устойчивого ощущения счастья.

Так что же такое счастье?

Систематические опросы, проводимые в течение последних десяти лет среди многих сотен граждан экономически активных возрастов (от 20 до 50 лет) показывают, что ВСЕ респонденты хотели бы быть счастливыми. Но типично, что никто из опрошенных не смог дать никакого продуманного определения «счастью». То есть, образно говоря, не первый век всё дееспособное население планеты бредет по дороге, ведущей, как им кажется, к «храму», не имея конкретного представления о предмете поиска. Но и сегодняшним общественным сознанием руководит эклектика из **интуитивных** представлений о счастье, от правильного до ошибочного.

Разумеется, было бы приятно без изнурительного труда получить исчерпывающее определение счастья, взять его на вооружение и осуществить в своей индивидуальной практике. Естественно, было бы неплохо, если бы теоретические определения непосредственным образом превращали некомпетентного человека в специалиста-практика. Тогда бы все военные, вызубрившие определение стратегии, стали бы генералиссимусами. Но этого не происходит, хотя знатоков определений в академии генерального штаба РФ – много.

Заучивание определений не является решающим моментом в постижении сущности изучаемого предмета. Но и без знания определения, отражающего истину хотя бы в «первом приближении», **ВООБЩЕ** невозможно двигаться вперед в познании предмета. Необходимо, чтобы не только формулировка «теоремы» о счастье, но и доказательство этой «теоремы»,

все её содержание и сущность, история возникновения и развития укоренились в сознании **каждого** человека.

Если же, как сегодня, лишь **немногие** имеют относительно выношенное, личное определение счастья, то, в условиях господства частной собственности, именно немногие, выжившие в конкуренции, и становятся... олигархами, поскольку именно так определяют форму счастья современные обыватели. Т.е. по уровню вовлеченности «серого мозгового вещества» в осмысление проблемы, современное представление о счастье не превосходит куриное, поскольку каждая курица стремится захватить более высокое место на насесте и «осчастливить» нижерасположенных. Причем, как показывает практика, современный человек, будь он даже олигарх, попав в тюрьму, тоже стремится занять лучшие нары...

Чаще всего индивидуальная судьба человека складывается в зависимости от того, что превалирует в его **интуиции**, истина или заблуждение, (+) или (-). В свою очередь, конкретно-историческая судьба народа находится в **диалектической** зависимости от преобладания в массовой интуиции того или иного «знака». Однако преобладание «знака» в реальной судьбе общества достигается не арифметическим большинством, т.е. становится господствующим не столько в результате простого большинства, сколько в зависимости от степени организованности носителей того или иного «знака». В результате, каждый отдельно взятый субъект не замечает (под воздействием рекламы и Голливуда, т.е. самой бессовестной пропаганды), что мыслит и чувствует не как большинство, а так, как угодно организованному меньшинству, а потому двигается не к собственному «ориентир», а к

его противоположности.

Например, в интервью, данном АиФ в июле 2005 года, известная на Западе актриса, Рене Зеллвегер, так сформулировала своё интуитивное представление о счастье: «Счастье - это то, что хочется защищать», т.е. актриса дала определение по методике, согласно которой о наличии чего-либо, судят не по самой вещи, а по косвенным признакам её присутствия, как это делают врачи, определяя по специфическим антителам наличие вируса СПИДа в крови больного. Актриса не понимает, что жить в обществе, в котором счастье «хочется защищать» от «ближнего», уже несчастье. Так о счастье может говорить только человек, опыт которого вынуждает видеть в ближнем лишь конкурента,

непримиримого врага и быть всегда готовым к его устранению. Такой взгляд на вещи абсолютно типичен для американской «культуры» (а теперь и для РФ). Оружие, бронежилеты, бронев автомобили, платные, т.е. ПРОДАЖНЫЕ, телохранители, табуны

полицейских потребляются рыночной американской демократией в таком изобилии, что становится ясно: Америка - самая «счастливая» страна, в которой **ВСЕ ЗАЩИЩАЮТ ДРУГ ОТ ДРУГА СВОЁ СЧАСТЬЕ И ПОЭТОМУ В НЕЙ КАЖДЫЕ 20 МИНУТ ПРОИСХОДИТ УБИЙСТВО СЧАСТЛИВЧИКА, НЕ СУМЕВШЕГО ВЫХВАТИТЬ КОЛЫТ БЫСТРЕЕ ДРУГОГО СЧАСТЛИВЧИКА.**

Кажется в программе Оксаны Пушкиной, один из наиболее говорливых пропагандистов «Союза правых сил», Немцов, сообщил зрителям примерно следующее, что счастье продукт исключительно собственного сознания человека, т.е. позаимствовал мысль у Козьмы Прутков, который цинично-шутливо в условиях царской России рекомендовал читателям: «Если хо-

чешь быть счастливым, - будь им!». Мысль Немцова можно понять и так: если человек голый и уже давно стоит на Северном полюсе, то и тогда он может убедить себя в том, что ему тепло. Или, если колонну женщин, стариков и детей фашисты гонят в Бабий яр, то достаточно сознавать, чтобы ощутить душевный комфорт, что Бабий яр недалеко и «поэтому» всё это неудобство скоро кончится. Иначе говоря, современное общество таково, что сколько бы совершенной ни была модель счастья в твоём сознании, а можешь выпасть из окна 15 этажа элитной гостиницы, как это случилось недавно с владельцем Кировского завода, что в Санкт-Петербурге.

Эти и подобные им «мудрствования лукавых» вынуждают «покопаться» в проблемах НАУЧНОГО определения сущности счастья. Тем более, что со времен Платона, каждая религиозная и философская школы (языческие, христианские, мусульманские, буддистские и т.д.) оставили кое-какие письменные **определения** не то чтобы счастья, но высшей степени психологического, душевного комфорта, присваивая им различные названия, которые в русском языке совпадают с понятиями: блаженство, удовольствие, наслаждение, благоденствие, благосостояние и т.д. Однако исследования лингвистов показывают, что русское слово «счастье» по широте и глубине содержания, по набору смысловых оттенков значительно богаче «аналогов», используемых в распространенных языках мира, включая и английский с его «happу» и «happiness».

Достаточно вспомнить содержание русской народной сказки о Садко, которому счастье всё время чуть ли не само шло в руки, а он при этом испытывал глубочайшую личную скорбь от сознания, что многие люди на Земле, например, слепые, не имеют возможности испытать чувство полного счастья. Причем, как и во всех древних мифах всего мира, в былинке о Садко присутствуют мотивы любовных приключений гуляки-гусяря, прообраза бардов, его денежные проблемы. Однако в русской былинке поставлена нетривиальная проблема зависимости **индивидуального** счастья от **всеобщего**. В сказке предпринята попытка найти аллегорическое решение этой проблемы. Но, в действительности, не мифический Садко, а реальные народные сказители считали недостижимым

действительное индивидуальное счастье пока в обществе есть несчастные, и что решение проблемы существует, но в эпоху раннего феодализма, люди больше уповали на волшебство.

Найти что-либо подобное в фольклоре западноевропейских народов едва ли возможно. Наиболее известный образец древнегреческого мифотворчества посвящен добыванию «золотого руна». Но и в этом мифе герой пренебрёг, например, любовью ради «золотого руна», которое могло вернуть политическую власть его роду. Даже карело-финский эпос в вопросе счастья не идет дальше сватовства «творца жизни на Земле», Вейнямяйна, к молоденькой девушке. Чтобы задобрить практичную северную девушку, Вейнямяйнен заказал Ильмаринену мельницу-самомолку, Сампо. Т.е. в Европе с мифологических времен все вопросы «счастья» решались платно, через желудок. Поэтому не случайно, за всю свою писанную историю Европа до 1945 года знала не более 200 лет мира, когда бы никто и ни с кем в Европе не воевал «за Сампо».

Однако богатство содержания русского слова «счастье» предопределено не какой-либо мистической или генной предпосылкой, присущей только коренным народам России, а объективными историческими условиями развития россиян.

Содержательное богатство русского слова «счастье» исторически можно объяснить лишь тем, что, во-первых, первобытнообщинный коммунизм, т.е. бесклассовый строй в России, особенно крестьянские общины, просуществовали значительно дольше, чем в любой другой стране Европы, следовательно, сохранялась реальная социально-экономическая почва для выработки модели максимального духовного комфорта, доступного не только для понимания, но и для достижения, практически ВСЕМИ членами общества. Большую роль в деле формирования российской ментальности сыграло и казачество, особенно до того момента, когда оно продалось в «войско государево». Но и после утраты казачеством «вольницы», Россия оказалась на первом месте среди феодальных государств по количеству и масштабам крестьянских войн против угнетателей. Неизменными участниками, а порой и главной силой всех крестьянских войн против тирании были вольные казаки.

Во-вторых, Россия значительно позже других европейских народов приняла на себя бремя алогизмов христианства, т.е. россияне не испытали воздействие изощренной схоластики и оголтелой инквизиции на умы людей в таких объемах, в каких это пришлось пережить народам Западной Европы. Показательно, что по мере насаждения христианской «культуры», Киевская Русь распалась, порождая кровожадных Святополков-Окаянных, покорных Борисов и Глебов.

В-третьих, народам, населявшим Россию, удалось миновать в своем развитии фазу классического рабовладения и работорговли в тех масштабах, которые были органичны западной культуре, включая и США. Агрессивный, антагонистический характер западноевропейских общественных отношений, породивший в истории человечества все формы социальной, религиозной и расовой нетерпимости, вплоть до фашистской, стал оказывать влияние на российскую ментальность достаточно поздно, вместе с учащением политических отношений во времена Ивана Грозного. Наибольшего расцвета торговля людьми в России достигла лишь во времена Екатерины II, «просвещенной» (по западным меркам) императрицы, но, как заметное явление, просуществовала не более века и, естественно, разительно уступала испанским, португальским, французским, а тем более, английским и американским МНОГОВЕКОВЫМ традициям работорговли. То, как издевались над «черным деревом» европейские и американские работорговцы в течение XVIII и XIX веков, не снилось ни фараонам Египта, ни русским дворянам, хотя их отношение к собственным крепостным было тоже довольно скотским.

Перечисленные примеры российской специфики позволили россиянам ЗА МНОГИЕ ВЕКА относительно затаянного и относительно мягкого процесса классового расслоения общества, прочувствовать и, в значительной мере, **понять** (глубже многих европейских народов) ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ характер проблемы поддержания максимального комфорта в психике личности и этноса, многомерный характер сущности и противоречивость понятия «счастье».

В российской народной словесности отношение к счастью формулируется, чаще всего, следующим образом: найти своё счастье; потерять счастье; отвоевать своё счастье; подарить

счастье; построить счастье; поделиться счастьем; счастье не купишь; не в деньгах счастье; Т.е. нет оснований утверждать, что в российской традиции к счастью относятся ТОЛЬКО как к дару судьбы (привалило счастье), врожденному качеству (не родись красивой, а родись счастливой), или как к товару, который можно купить. Именно это существенно отличает российскую ментальность от западной, в которой брачный контракт многие века предшествует не только счастью первой брачной ночи, но и церковной процедуре, особенно в высшем обществе. До Октябрьской революции брачная меркантильность была типична и в России лишь для дворянства, купечества и «бомонда». Массы РФ только начинают, хотя и динамично приобщаться к всеобщей западной проституированности. Абсолютно закономерно, что в годы, непосредственно примыкающие к «перестройке», в кругах неизменно циничной советской «элиты» особым успехом пользовалась «шутка»: «Не в деньгах счастье, а в их количестве». Интересно, что по этому поводу думают те счастливчики, которые исповедовали эту «истину» и которых конкуренты уже посадили в тюрьму или отправили на тот свет «с дыркой в голове».

Принципиальная методологическая «ошибка» всех домарксовых философских (теологических по своей сущности) концепций «счастья», даже вышедших из под пера относительно добросовестных и не совсем купленных авторов, состояла в том, что теоретики в каждую эпоху считали всякий существующий строй, даже рабовладельческий, «богом данным», единственно возможным, разумным и, «следовательно», искали модель счастья, опыт счастливой жизни в существующих общественных условиях, не желая применить к анализу земной жизни собственное религиозное открытие: в раю НЕТ классов и ПО-ЭТОМУ только там рай.

Общий принцип достижения счастья изыскивался в опыте героев, императоров, богов и именно недостижимый для всех УНИКАЛЬНЫЙ пример их «счастья», объявлялся примером для МАССОВОГО подражания. Всем детям неназойливо внушалась мысль, что сказка о Золушке является легко реализуемым планом для всех.

Опыт исторического развития империй показал: чем ниже уровень философского разви-

тия человека, тем физиологичнее его представления о счастье, тем легче привести его в состояние **общественной** пассивности. Господствующий класс «запада» достаточно рано понял **опасность**, исходящую от роста философского уровня массового сознания. Поэтому его западные «политтехнологи», начиная с Аристотеля до Макиавелли, и не кончая Геббельсом, разработали и воплотили в жизнь принципы, замыкающие процесс формирования потребностей масс в узкий круг сиюминутных, исключительно эгоистических удовольствий на уровне «Элочки-людоедки».

Весь арсенал современных «западных» философских терминов, принятых для обозначения якобы счастья, на самом деле, есть продукт **ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОЙ** политики, рожденной ещё в эпоху рабовладения и поныне направленной на кардинальное обрезание сознания людей в области мировоззрения, мотивов их жизнедеятельности, интересов и потребностей.

Причем, под «западным» следует понимать не сугубо географическое, а сущностное, ибо современная западная рыночная демократия, тем более, последних четырех веков - есть изощренная и развитая форма греко-римских **РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ** демократий и восточных **ДЕСПОТИЙ**, достигших в своё время выдающихся результатов в низведении сознания масс до базарного и возвышения уровня материального благосостояния аристократии до **БЕЗУМНО** роскошного. Сегодня невозможно найти арабского шейха, который бы не имел в своей «конюшне» несколько «нечестивых» европейских «бумеров», или американских «линкольнов». Сегодня практически нет «западного» бизнесмена-христианина, который не имел бы гарема в той или иной форме. Ведь не пролетариев, а именно представителей имущего класса обслуживают дома терпимости и целые кварталы «красных фонарей».

Чтобы превратить членов семей пролетариев в классических проституток, необходимо было довести сознание самих отцов-пролетариев до органически продажного состояния.

Довольно заметную роль в реализации обесмысливания жизни, как ни парадоксально покажется на первый взгляд, играли орфография и этимология. Там, где несколько раньше, чем у других народов возникла письменность, там же через некоторое время произошла замена

пиктографического письма на иероглифическое, абстрактное в своих символах, требующее более высокого качества памяти и мышления. Управлять процессом деградации мышления людей, тем более, слегка почитывающих, позволяет сама сущность иероглифической письменности, например, египетской, китайской и японской. Показательно, что сознание современного туриста неизменно оказывается потрясенным масштабами бессмысленности египетских пирамид, которые только и могли быть возведенными лишь руками безграмотных, а потому бессловесных и безвольных рабов. Недаром в истории древних иудеев до Моисея, нет ничего более заметного, чем многовековое египетское безысходное рабство.

Только после настойчивых многолетних Моисеевых разъяснений, иудеи обрели «вектор» движения из рабства (до того времени осознанно принимаемого как должное и потому веками непоколебимого) к «свободе»... сорокалетнего блуждания по пустыне. Моисей, по понятной ему причине, силой риторики подменил в сознании древних иудеев сущность движения к **действительной** свободе, формой движения из точки А в точку В по пустыне, т.е. из Египта к «земле обетованной», убедив соплеменников, что в точке В и вода мокрее и бог будет помогать активнее. Но даже к рождению Христа иудея была колонией Рима, а до 1949 года – колонией Англии.

Явное подтверждение могущества иероглифической письменности как инструмента придания народу «нужных» качеств, является японская и китайская письменность. И поэтому нет в истории человечества других народов, кроме китайского и японского, в которых такое же распространение получил бы самурай-харакирист, шаолинский монах, самоистязатель, трудоголик - китайский кули, переплюнувший своего индийского «тезку». Кули не нужно было заставлять трудиться до полного изнеможения. Он загонял себя сам, как лошадь, поскольку не имел в своём сознании иного представления о счастье.

На некоторых китайских реках есть памятники трудоголии, отсутствующие у других народов и поражающие воображение больше чем египетские пирамиды: гранитные утесы, стоящие на поворотах судоходной реки испещрены многочисленными и глубокими пропилами,

оставленными канатами, при помощи которых кули тянули груженные товарами баржи вверх по течению. Воловье тупоумие кули даже при помощи мягкой веревкой за века повсеместно перемалывало самый твердый гранит. Но они не смогли увидеть в этом никакого намёка. Не было подходящего иероглифа, а сами пропилили в граните ничего им не подсказывали.

Поэтому нельзя считать случайным абсолютное фонетическое НЕСовпадение китайского слова счастье - «цзи» с китайским же словом несчастье - «сюн». При помощи такого фонетического и графического приема **причинно-следственные** связи в сознании человека уступают место зазубриванию и индивид перестает быть самостоятельным в осмысливании важнейших моментов своего бытия. Великая китайская стена – сооружение абсолютно бесполезное с точки зрения логики, тем более военной, как и многовековая самоизоляция Японии с её современной ещё более бессмысленной урбанизацией-подражанием, могли возникнуть лишь на субъективной основе целенаправленного отупления масс. Артист Задорнов частенько и совершенно справедливо называет жителей «запада», особенно американцев, «**страшно тупыми**». И это не случайно. В самом «западном»

языке, английском, счастье обозначается словом happiness, несчастливый человек – unhappi, а несчастье (состояние) – misfortune, т.е, как в китайском языке, практически полное фонетическое и графическое несовпадение между понятиями несчастный человек и несчастье. При чем если «happiness» в английском языке рассматривается только как **личное** счастье, то misfortune, несчастье, переводится, в большинстве случаев, как неудача, поскольку словом fortune, чаще всего, принято обозначать **удачу**, а не счастье, а точнее, принято подменять понятие счастье понятием удача. Поэтому, если вы счастливы, то это глубоко ваше **личное** дело в рамках вашего понимания счастья, а если вы несчастны, так это не потому, что социальные условия рыночной демократии **гарантируют** большинству населения любой страны драмы и трагедии, взрывы в московском и лондонском метро, а потому, что от вас отвернулась **удача**, нечто мистическое, неподвластное логике и целенаправленной политике.

Что же обозначает слово счастье в научном варианте? Приглашаем читателей «Прорыва» высказаться по этому поводу. Наш вариант ответа будет дан несколько позднее.

Июль - сентябрь 2005

ИСТОРИЯ

ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ 1918-1922

А. Лб о в

«Павел Федосович долго пыхтел в кресле, разуваясь. С великим кряхтением закрючив ногу, он снял сапог, посмотрел на него:

- Английская... сволочь, - и швырнул в угол. - А это вот русская... - Он понюхал портянку, высморкался в нее и тоже бросил в угол. Потом гнусаво, по-старушечьи затынул:

*Ах ты Русь моя, Русь державная,
Моя родина православная.»*

(В. Шишков «Пейпус-Озеро»)

Чем больше общаюсь с националистами, тем сильнее убеждаюсь в том, что национализм – это следствие глубокой деформации сознания. Например, общей и характерной чертой национализма является мышление исключительно в категориях национализма, т.е. «существует только то, что существует в моём сознании». Они не могут поверить, что человек может быть интернационалистом, что ему может быть совершенно безразлично, что у него записано в графе «национальность». Для них любой человек – по определению националист вне зависимости от его убеждений. Они «рассортируют» людей, в том числе и интернационалистов, по национальным нужничкам, а затем начинают из поведения людей, которым приписано проведение национальной политики (если это еврей – то в понимании истинного националиста, никакой политики, хуже или лучше сионистской, он проводить, якобы, не может), лепить теоретическую картину мира, в итоге получаются сплошной алогизм.

Вот, например, русские националисты утверждают, что Октябрьская революция 1917 г. противоречила интересам русских. Но в то же время есть факт, что она произошла, а затем закрепила свои завоевания, победив самых «истинно русских» белогвардейцев в Гражданской войне (в том числе Колчака, Врангеля, Унгерна, Каппеля, Юденича, войска Антанты, Японии). Может ли в сознании правоверного русского националиста возникнуть мысль, что «истинно рус-

ское православное воинство» «освободителей Святой Руси от хама-большевика» бежало от примерно настолько же русской по своему составу Красной Армии? Националист скорее съест свой ботинок, но такой мысли не допустит. Вслед за битыми белогвардейцами, которые оправдывали свои поражения «ордами китайцев и латышей» современные националисты ехидно показывают пальцем на интернациональные части Красной армии и вопрошают: «А сколько было в Красной армии латышей и венгров? А?».

Но ещё хуже, когда находятся некоторые просоветски настроенные граждане, а с ними и некоторые коммунисты, которые соглашаются с абсурдной идеей, что в Гражданской войне победили латыши и венгры. «Русские не делают революций, это все большевики, которые опирались на инородцев, загнали русских в социализм» - радостно потрет руки националист, в восторге оттого, что некоторые малограмотные товарищи придерживаются этой бредовой идеологии.

Я не буду говорить про то, что национальность революционера маловажна для результата его действий (то есть для революции). Если революционер владеет языком в достаточной степени для пропаганды или же имеет полезную для революции специальность (например, военную) и адекватно понимает цели и задачи революции, то совершенно неважно, кто он по национальности. Это самое общее место интернациональной программы коммунистов и многократ-

но уже разъяснялась, но националистический «Васька слушает, да ест». Лучший способ закрыть тему – это выяснить, сколько же интернационалистов все-таки участвовало в Гражданской войне.

Знаменитые латышские стрелки

Все слышали про знаменитых латышских стрелков, и националисты, безусловно, тоже про них слышали. Но источника звона последние так и не нашли, хотя некоторые сомнения в многочисленности «латышских орд» у них могли зародиться, например, если бы они прикинули приблизительный мобилизационный потенциал Латвии 1917-1920 гг. или например, обратили бы внимание, что нумерация латышских дивизий никогда не превышала «огромной цифры», аж 2.

Первые латышские стрелковые части были сформированы царским правительством в 1915 году в составе нескольких полков и отдельных батальонов. Ни в какие части крупнее полка они не сводились. Формирование знаменитых латышских дивизий началось при формировании Красной Армии Латвии (Советской армии Латвии) в конце 1918 г., причем было намерено сформировать две дивизии и развернуть в армию, но на деле была сформирована только одна¹ и вторая находилась в стадии формирования. Советская историография вообще не упоминает о 2-й Латышской дивизии, так как к осени 1919 Красная Армия Латвии была вытеснена с собственно территории Латвии, части 1-й Латышской дивизии понесли потери, были пополнены из формируемых, и таким образом, 2-я дивизия осталась на бумаге. В дополнение к дивизии создано несколько отдельных частей – батальонов и рот, которые затем вливали в 1-ю дивизию. Так как латышскую дивизию в ходе Гражданской войны постоянно перекидывали с одного фронта на дру-

гой, а из ее состава многие части использовались отдельно, это создавало иллюзию, что латышские части составляют чуть ли не половину Красной Армии.

Как рождалась эта иллюзия? Во-первых, дивизию постоянно переименовывали. С 13 апреля 1918 г. – Латышская советская с.д., с 12 янв. 1919 г. – 1-я с.д.². Армии Советской Латвии, с 26 июня 1919 г. – 53 с.д., с 3-го августа 1919 г. – Латышская с.д.³. Это послужило рождению в мемуарах белогвардейцев очередного «поручика Киж» в виде неисчислимого множества латышских дивизий. Во-вторых, белогвардейские мемуаристы (и оперативные работники белой армии) попросту преувеличивали численность противника – отдельные батальоны превращались в дивизии с легкостью пера и затем фигурировали в оперативных документах. Нелегко было признаваться в поражениях – оправдывались якобы огромной численностью латышей. В-третьих, дивизию часто перебрасывали и при- давали разным армиям:

Ноябрь 1917г. – 6 с.п. отправлен в Петроград для патрулирования города

Март 1918 г. – сводная рота охраняла советс-

1 апреля 1918 г.	155 тыс. чел.
29 мая 1918 г.	300 тыс. чел.
начало 1919 г.	1 млн. 630 тыс. чел.
конец 1919 г.	около 3 млн. чел.
1 ноября 1920 г.	5,5 млн. чел. из них 2456 тыс. в действующей армии (778 тыс. бойцов), 2971 тыс. в тылу

кое правительство при переезде в Москву (позднее развернута в 9-й полк)

Январь 1919 г. – 1-й с.п. и 1-й бат. 4-го с.п. участвуют в подавлении мятежа Довбор-Мусницкого (Польский корпус), 3-й с.п. – участвует в подавлении калединщины.

Июль-октябрь 1918 г. – отдельные полки воюют в составе Восточного, Южного, Северного фронтов, подавление июльского мятежа левых эсеров в Москве.

Январь 1919-май 1919 г. – в составе Советской армии Латвии

Затем с июля 1919 г. по ноябрь 1920 г. в раз-

1. Н.Е.Какурин. «Как сражалась революция», 2-е изд., уточн. М.:Политиздат, 1990, Т.2, стр. 361-364
2. здесь и далее с.д. – стрелковая дивизия, с.п. – стрелковый полк
3. «Гражданская война и военная интервенция в СССР», Энциклопедия, М.: Советская энциклопедия, 1983, стр. 318.

ное время латышская дивизия входит в состав 13, 14, 15, 16 и 6-й армий. 28 ноября 1920 г. расформирована.⁴

Итак, одна-единственная дивизия латышей принимала участие во всех крупных сражениях Гражданской войны. Между тем как галлюцинации на тему латышских стрелков до сих пор преследуют русских националистов.

Теперь о численности. Н.Е.Какурин со ссылкой на оперативные документы дает 100 тыс. ЕДОКОВ⁵ Латвийской Красной Армии на январь 1919 г., то есть на высший пик численности при-

балтийских национальных военных формирований РККА (эстонских и литовских частей в РККА в Гражданскую войну не создавалось). Это, кстати, приблизительно весь мобилизационный потенциал Латвии того времени. Однако приводимая им в другом месте таблица показывает,

что едоков было раза в три больше, чем активных штыков и сабель, соответственно, мы имеем около 25 тыс. штыков и сабель. Очевидно, что продовольственные штаты Латармии искусственно раздувались для увеличения снабжения в ожидании притока латышей с освобожденных РККА территорий, ибо средняя численность дивизии в Гражданской редко превышала 5-10 тыс.

штыков и сабель. Таким образом, получается цифра в пределах 15 -25 тыс. человек (одна полная и одна неполная дивизия –это приблизительно 15 тыс. чел.). Официально принятые советскими историками данные вписываются в эту цифру: после объединения латышских стрелковых полков латдивизия имела 9 стрелковых полков, 1 кавалерийский полк, 2 артдивизиона, авиационный отряд и отряд броневиков. А всего около 18 тыс. бойцов⁶. Много это или мало? Силы РККА на лето 1919 года составляли около 560 тыс. штыков и сабель⁷, и в общем сравнении чис-

ленность латышских частей составляет не более 5% от общей численности РККА⁸.

Если же брать данные не оперативных документов, где учитывались боевые силы, а мобилизационных, где учитывалось общее количество призванных, то

процент этот будет еще меньше (см. таб. 1⁹).

Даже самая большая цифра в 100 тыс. латышских «едоков» в сравнении с 1,63 млн. призванных выглядит ничтожной и составляет 1/16 Красной армии. Таким образом, русские националисты, утверждая, что в гражданской выиграли латыши, либо играют на руку латышским националистам, которые стремятся подчеркнуть пре-

4. Там же.

5. Н.Е.Какурин. «Как сражалась революция», 2-е изд., уточн. М.: Политиздат, 1990, Т.2, стр. 102

6. «Гражданская война и военная интервенция в СССР», Энциклопедия, М.: Советская энциклопедия, 1983, стр. 318.

7. Доклад члена РВСР Авалова В.И. Ленину от 23.04.1919, в кн.: Н.Е.Какурин. «Как сражалась революция», 2-е изд., уточн. М.: Политиздат, 1990, Т.2, стр. 255

8. В «Докладе главного командования Реввоенсовету Республики о положении на фронтах к 15 июня 1919г» (опубл. в «Хрестоматия по отечественной истории 1914-1945 гг.» М.: Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 1996, стр. 236) приводятся еще меньшие цифры количества бойцов – около 356 тыс. штыков и сабель, соответственно, максимальная цифра доли латышей в РККА не превышает 5%, если предположить, что на этот период все латышские части находились в действующей армии.

9. «Гражданская война и военная интервенция в СССР», Энциклопедия, М.: Советская энциклопедия, 1983, стр.293-296

восходство «цивилизованных латышей» перед «русскими варварами», либо представляют белую армию в лице непроходимых идиотов, ибо последние, имея армию в 655 тыс. человек¹⁰, позорно бежали перед 18 тысячами «горячих латышских парней».

Тут, конечно, было бы большой ошибкой и умалить подвиг латышей в Гражданской войне. Если посмотреть на изменение численности РККА по периодам Гражданской войны, то на начальном периоде количественная доля латышских стрелков была очень существенной (приближаясь к 10% от состава РККА на начало 1918 г.), но в дальнейшем постоянно падала по мере развертывания мобилизации в Красную армию. Падая в численном отношении, качественный вклад латышских стрелков постоянно повышался: латышские части были исключительно политически надежны - это была, пожалуй, единственная дивизия в РККА, где было 18% коммунистов и комсомольцев среди личного состава¹¹. Латышские части сыграли особо существенную роль в обороне Петрограда и далее они себя великолепно проявили на других фронтах Гражданской. В битве за Петроград Западный фронт красных (включая Латвийскую и 7-ю армии) на 1 марта 1919г. (перед наступлением Юденича) насчитывал 81,5 тыс. штыков и сабель. Им противостояла Северо-Западная армия (Юденича), части белоэстонцев, белополяков, корпуса фон дер Гольца и прочей интернациональной белогвардейской швали -104 тыс. шт. и саб.¹². Четверть латышских частей – это серьезная помощь латышских интернационалистов Красной Армии в самый критический период. Это подтверждают и сами белогвардейцы - многие белогвардей-

ские источники считают, что именно начальный период войны был наиболее благоприятен для победы белого дела, так что помощь красных латышей была значительной и по своей своевременности¹³. Латышские стрелки внесли достойный вклад в мировую революцию, но говорить, что латыши сделали русскую революцию – это, скорее, латышский национализм, точно такой же, как и крики об оккупации Латвии Советским Союзом. Для СССР вхождение Латвии было просто продолжение СОВМЕСТНОЙ революции, которая для латышей затянулась на 23 года дольше, чем для народа многих других народов России, менее зараженных мелкобуржуазным национализмом.

Венгерские вооруженные формирования Красной Армии в Гражданской войне

На 1917 г. на территории бывшей Российской империи было 2,2 млн. военнопленных, из них около 500 тыс. составляли венгры¹⁴. В 1918 г., в связи с подписанием Брестского мира, военнопленные стали отправляться на родину. Всего из России в Венгрию 1918-1922 гг. возвратилось 150-200 тыс. человек.¹⁵ Покажется странным, почему венгров было 500 тыс, человек а вернулось только 150-200. Тому несколько причин: во-первых, строгий учет вернувшихся велся только до ноября 1918 г., а затем в связи с революцией в Венгрии нарушился, что позволяет делать лишь

10. «Доклад главного командования Реввоенсовету Республики о положении на фронтах к 15 июня 1919г» цит. по «Хрестоматия по Отечественной истории 1914-1945 гг.» М.: Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 1996, стр. 236

11. «Гражданская война и военная интервенция в СССР», Энциклопедия, М.: Советская энциклопедия, 1983, стр. 318.

12. Е.Какурин. «Как сражалась революция», 2-е изд., уточн. М.:Политиздат, 1990, Т.2, стр. 130

13.Иванов А.В. «Воля случая или историческая закономерность? Размышления о причинах поражения белого движения в Гражданской войне» Взято с сайта «Гражданская война в России 1917-1923 гг.» <http://www.civwar.hotbox.ru/rezensia/prh.htm>

14. «Гражданская война и военная интервенция в СССР», Энциклопедия, М.: Советская энциклопедия, 1983, стр.234

15. Д.Милей, А.Жилак «Идейно-политическое развитие организаций венгерских интернационалистов в Советской России и их влияние на становление коммунистического движения в Венгрии». В сб. «Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке 1917-1922 г.» М.: Наука, 1980.

приблизительные прикидки и предположения относительно причин недоучета. Во-вторых, не все венгры, которые служили в австро-венгерской армии и попали в плен, проживали в Венгрии. Часть вернулась в Австрию, часть в Чехословакию, часть в Югославию. В-третьих, в связи с, мягко говоря, «предвзятым» отношением к вернувшимся из Советской России при Хорти, многие сообщали неверную информацию о месте своего пребывания. Ну, и, конечно, последнюю часть составляют те, кто остался в СССР и после 1922 г., погиб или же эмигрировал в третью страну. Сколько из них было тех, кто служил в Красной армии в составе интернациональных частей? На середину апреля 1918г. Всероссийский съезд революционно настроенных военнопленных в общем представлял около 100 тыс. военнопленных. Венгерская секция составляла примерно 40% от общего числа делегатов¹⁶. Эту численность подтверждает и тираж газет, которые издавались на венгерском языке - орган Венгерской группы РКП(б) «Социалистиш Форрадалом» имел тираж 14-20 тыс. экз¹⁷. То есть мы можем говорить приблизительно о 40 тыс. венгров, которые на тот момент принимали активное участие в русской революции, хотя Бела Кун говорит более чем о 100 тыс. венгров, которые принимали участие в русской революции¹⁸. Безусловно, цифры Б.Куна выглядят вернее, так как съезд военнопленных есть представительство лишь части военнопленных, а всего военнопленных венгров насчитывалось около полу-миллиона (правда, надо сделать поправку на уже убывших на родину). В чем-то эти цифры подтверждает и представитель Красного Креста - по докладу капитана Крамера из 14 198 офицеров и 152 000 рядовых, находившихся только в Сибири и на Дальнем Востоке на июнь 1919г. 31% были венгры¹⁹. Всего численность венгров, которые сражались в Сибири и на ДВ против белых в РККА, отрядах ЧОН и частях ВЧК, оценивается в 27-30 тыс. человек²⁰. Т.к. царское и

Временное правительства военнопленных славянской национальности оставляли в Европейской части России (из них формировались чехословацкие корпуса), а основная масса военнопленных-неславян содержалась в Сибири и на Дальнем Востоке, то основными театрами, на которых части из бывших военнопленных венгров могли представлять серьезную силу, были Восточный, Уссурийский, Прибайкальский и частично Туркестанский. Создать из венгров крупные части и перебросить их в центральные области России Советская власть просто не успела - чехословацкий мятеж отрезал Сибирь и ДВ от центра.

На первую половину 1918г. на передовых позициях некоторых участков Восточного фронта - около трети венгров, Уссурийском - около трети, на Прибайкальском фронте на момент отступления - около половины личного состава. На 1920 год были сформированы ПЕРВЫЕ крупные части преимущественно венгров-интернационалистов - 1-я Сибирская сводная интернациональная дивизия, состоявшая из ОТДЕЛЬНЫХ батальонов (!), дислоцированных в Омске, Томске и Красноярске, 2-я дивизия формировалась в Иркутске²¹. Это ВСЕ крупные части, в которых венгры составляли существенную часть. Наименование «сводная интернациональная» говорит о том, что части интернационалистов РАЗНЫХ национальностей были сведены в одну дивизию, так что считать, что было сформировано две дивизии из одних только венгров, оснований нет. Относительно остальных венгерских частей в литературе нет упоминаний о каких-либо частях крупнее полков, а на большинстве фронтов - батальонов и рот. Исключение составляет лишь формировавшаяся Бессарабская интернациональная дивизия, в которую наряду должны были входить венгерские части, собранные на Украине и России, имевшая зада-

16. Там же, стр. 122-123

17. Там же, стр.101

18. Т.М.Исламов, А.Йожа. «Вопросы историографии и источниковедения истории венгерских интернационалистов» В сб. «Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке 1917-1922 г.» М.: Наука, 1980, стр. 210

19. Т.М.Исламов, А.Йожа. «Вопросы историографии и источниковедения истории венгерских интернационалистов» В сб. «Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке 1917-1922 г.» М.: Наука, 1980, стр.213

20. Там же, стр. 209

21. Там же.

чу в составе 3-й Украинской советской армии прорваться к окруженной Советской Венгрии.²²

Анализируя численность венгров, участвовавших в ГВ на стороне красных, мы должны иметь в виду два момента. Во-первых, с 1918 года начался отток бывших военнопленных на родину, который поддерживался Венгерской секцией РКП(б) (что дает основания думать, что Бела Кун был ближе к истине), то есть в частях среди венгров была большая текучесть личного состава, и вряд ли численность активных штыков и сабель венгерских частей когда-либо превышала 40 тысяч одновременно (здесь ориентироваться на цифру представительства венгров на съезде военнопленных). Одни венгры уезжали домой, другие, напротив, по мере освобождения из лагерей для военнопленных, агитации или же протеста против зверств белогвардейцев, вступали в Красную Армию. Во-вторых, в основных советских источниках исследователи находят серьезные преувеличения, которые встречаются в советских документах по неосведомленности командного состава и сложной военной обстановке (например, приводилась цифра в 18 тыс венгров-партизан, в то время как общее число партизан в том районе по другим данным, не могло быть более 5 тысяч)²³.

Таким образом, вклад венгерских интернационалистов в дело революции, особенно значим на начальном этапе Гражданской и на завершающем (бои в Сибири и на Дальнем Востоке), однако мы не можем говорить о наличии до 1920 года отдельных крупных венгерских частей (наподобие латышских). К вопросу, из 370 интернациональных частей, сформированных из зарубежных интернационалистов, всего только 2 интербригады, 7 интернациональных полков и пять мононациональных полков интернационалистов, из последних один чешский, один юго-

славский, три финских и ни одного собственно венгерского²⁴. Венгры вплоть до самого конца войны «растворились» в общей массе русских красноармейцев или же интернационалистов других национальностей. Несмотря на гораздо большую численность венгров, воевавших в Красной армии, мы можем говорить о существенном вкладе венгров в победу в Гражданской, лишь упоминая отдельные фронты, в частности основной Восточный, вспомогательные сибирские и дальневосточные фронты. И то не во все периоды. Если взять численность советских войск на Восточном фронте была на 1 марта 1919 г. 84 тыс. шт. и саб. против 140 тыс. белогвардейских формирований, в которые входили также чешские и интервенционные войска (одних белочехов было не менее 15 тысяч)²⁵. На тот момент основная масса венгров, которая позже составит значительную силу на сибирских фронтах, была еще в сибирских лагерях для военнопленных (см. выше), поэтому белогвардейские потуги приписать основное поражение свое на этом театре действий венграм есть не более чем увиливание от факто и раздувание численности Красной Армии.

Общая численность венгров-интернационалистов, участвовавших в Гражданской войне в СССР, поддается только приблизительным оценкам и оценивается советскими и венгерскими исследователями около 100 тыс. человек. К общему количеству принявших участие в Гражданской войне на стороне красных, эта численность составит не более 2%. Если же сопоставить численность венгров-революционеров с общим числом венгерских военнопленных в России, то получается, что венгры были охвачены революционными настроениями примерно в той же мере, что и все остальные народности, проживавшие или находившиеся на тот момент на территории Российской империи (в том числе и русские).

22. В.И.Фомин. «Помощь Советской России Венгерской Советской республике в борьбе против интервентов и внутренней контрреволюции», В сб. «Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке 1917-1922 г.» М.: Наука, 1980, стр.153

23. Б.М.Шерешевский. «О некоторых вопросах изучения участия венгерских интернационалистов а борьбе за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке 1917-1922 гг». В сб. «Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке 1917-1922 г.» М.: Наука, 1980, стр.235

24. «Гражданская война и военная интервенция в СССР», Энциклопедия, М.: Советская энциклопедия, 1983, стр. 236-237

25. Н.Е.Какурин. «Как сражалась революция», 2-е изд., уточн. М.:Политиздат, 1990, Т.2, стр. 130

Поэтому глупо было бы приписывать им «большую революционность» из-за мифического желания «погубить Россию»... Вообще, со стороны русских националистов, считающим основным врагом русского народа Америку, принципиально глупо тыкать пальцем в венгерских интернационалистов и заявлять, что они, не будучи русскими, проводили антирусскую политику. Если даже принять за аксиому, что люди некоторой национальности стремятся всегда непременно осуществить политику в интересах этой национальности, то все равно встает вопрос: какой такой ЧИСТО ПРОВЕНГЕРСКОЙ политики добивались венгры, оказывавшие военную помощь Советской власти? Что такого смогла получить Венгрия от победы в Гражданской войне в России, если ее правительство официально признавало Советскую Россию только четыре с половиной месяца в 1919 году? Тем более - что получила Венгрия от победы, осуществленной лицами, которые с осени 1919 года были правительством Венгрии объявлены вне закона и всячески репрессировались?

Русские интернационалисты в Венгрии

Относительная большая доля венгров-революционеров в отношении к общей массе находившихся на территории России венгров никоим образом не свидетельствует о некоей «исконной революционности» иностранцев или же о наемном характере интернациональных войск. Довольствие красноармейца было довольно-таки скудным, и на него не могли похвастаться «солдаты удачи». На территории России венгры были представлены в основном лицами ПРИЗЫВНЫХ возрастов. Русские военнопленные, оказавшись в революционных условиях в Центральной Западной и Восточной Европе, примерно в той же мере принимали участие в революциях и гражданских войнах. Раз речь зашла о венгерских

интернационалистах в Гражданской войне, то интересно посмотреть на русских интернационалистов в революции и гражданской войне в Венгрии. В то время как русские националисты утверждают, что венгры и латыши победили «истинно русских» в Гражданской войне, венгерские националисты утверждают, что это русские сделали революцию в Венгрии в 1919 г. Кроме «предателей венгерского народа, продавшихся ЧК», они упоминают и факт участия бывших русских военнопленных в Венгерской революции²⁶. Чтобы русские националисты не дудели в дудку, что «истинно-русский-революций-не-свершает», любой желающий в уже упоминавшихся источниках может найти данные по русским интернационалистам в Гражданской войне и интервенции в Венгрии. Русские военнопленные к ноябрю 1918 г. (около 500-600 тыс. человек) были в основной массе отправлены из Венгрии в Вену или Чехословакию, откуда направлялись домой. Австро-венгерское правительство имело в русском плену в 2 раза больше пленных, поэтому отправка русских пленных была лучшей гарантией скорейшего возвращения подданных престарелого императора. Это сократило число возможных русских революционеров. Однако значительная часть пленных их транзитных эшелонов, шедших через Будапешт из Австрии, например, была распропагандирована Будапештской группой РКП(б), в которой состояли и венгры, и русские, и украинцы. Так был создан 1-й интернациональный полк Венгерской Красной Армии из бывших русских военнопленных и вернувшихся из Советской России революционеров-венгров. Собственно русским в полку был только 1-й батальон (на 22 мая 1919 г. – 742 чел), второй был венгеро-русским, затем в его состав был влит 4-й русско-польский батальон, затем численность батальона от потерь сократилась на 70%, что в общей сложности составило на 2 июня 1919 г. около 200 чел. списочного состава²⁷. Здесь не учитываются те бывшие военнопленные, которые вступали в Венгерскую

26. См. П.-Ж. Пах. «Вопросы патриотизма и интернационализма в венгерской исторической науке», В сб. «Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке 1917-1922 г.» М.: Наука, 1980, стр.238-253 и там же Х.Ваш «О некоторых аспектах истории венгеро-советских интернациональных связей», стр. 254-282

27. А.Йожа. «Русские военнопленные в Венгрии 1917-1919»., В сб. «Венгерские интернационалисты в Сибири и на Дальнем Востоке 1917-1922 г.» М.: Наука, 1980, стр.175-177

Красную Армию в общем порядке, и эту информацию уже достать невозможно, так как большинство документов Венгерской революции после ее поражения уничтожены, особенно военные, и тем более списки личного состава. Исходя из того, что к началу формирования Венгерской Красной Армии численность русских военнопленных в Венгрии была незначительна, а основное пополнение составляли транзитные эшелоны с на вербованными деникинским правительством бывшими военнопленными (каждый эшелон – около 20 вагонов по 40 человек итого 800 человек в каждом), Венгерская советская республика существовала только 133 дня, можно с уверенностью говорить, что доля русских военнопленных, защищавших Советскую Венгрию, от общего числа русских военнопленных в Венгрии сопоставима с долей военнопленных венгров, которые защищали Советскую власть в России. Об этом же

Венгерская Красная Армия

говорят и сводки австро-венгерской цензуры об отношении русских военнопленных к Великой Октябрьской Социалистической революции: «Пленные... в целом с большой симпатией встретили весть о падении правительства Керенского, что власть взяли ленинцы... Уже первое известие об этих событиях вызывает радость у пленных... Пленных охватывает страх при мысли, что над русским народом могут снова взять власть его т.н. «благодетели» (напр. Керенский)»²⁸. У меня нет сведений о численности Красной армии Венгрии в 1919 г., чтобы можно было сравнить, но она была относительно малочисленной, и определенное представление о доли участия русских военнопленных в боевых действиях в Венгрии можно составить, если учесть, что 1-й Интернациональный полк входил в состав отдельной 80-й бригады Венгерской Красной армии, в свою очередь эта бригада вела САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ наступление уров-

ня фронта (т.н. «Северный поход»). Бригада – это где-то два полка. 1-й Интернациональный полк состоял из двух батальонов, из которых второй был недоформирован. Таким образом, на данном участке 80-й бригады русские интернационалисты составляли более четверти всех красных войск. Значение «Северного похода» для Венгерской Революции 1919 г. примерно настолько же значимо, как и разгром противника на одном из фронтов Гражданской в России.

Уроки интернационализма

В сравнение с подсчетом доли участия интернационалистов в Красной армии, можно посчитать и численность интервенционных войск, воевавших в белой армии, численность и состав национальных формирований белогвардейцев. Особенно, наконец, русским националистам, которые так не любят кавказцев, понравится «Дикая дивизия» ген. Шкуро, состоявшая из среднеазиатов и кавказцев. А также заигрывания белых с националистическими движениями в Средней Азии, на Кавказе, Украине, на Волге, Урале и в Сибири. Однако в советское время этот вопрос советскими историками разбирался настолько часто, что нет необходимости изобретать велосипед. Даже более – акцентирование многих советских исследователей именно на этом вопросе создавало иллюзию, что «истинно русскими» в националистическом понимании были именно красные. И если до перестройки необходимость употребления обществоведами таких терминов как «классовая борьба», «интернационализм», «международное значение Октябрьской революции» для публикации еще сдерживало «волну патриотизма», то с конца 80-х тенденция к «опатриотчиванию» большевиков в сознании интеллигенции стремительно росла

28. Там же, стр. 164.

вместе с ростом якобы «противоположной» версии о том, что «большевики продали Россию жидомасонам». Современные империалисты кивают на «патриотическую» политику большевиков, приводя те же аргументы и те же данные, что приводила и советская историография, в частности этим объясняется, что эта версия нашла даже больше последователей, чем маргинальные грубо-националистические штампы политических наследников белогвардейцев. Например, у С. Кара-Мурзы в книге «Гражданская война»²⁹ тезис о «русском патриотизме» большевиков ясно и четко сформулирован:

«Февральская революция «рассыпала» империю, так что гражданская война имела не только социальное, но и национальное «измерение». В разных частях бывшей империи возникли национальные армии или банды разных окраин. Все они выступали против восстания единого централизованного государства. Что касается представлений большевиков о России, то с самого начала они видели ее как естественную, исторически сложившуюся целостность и в своей государственной идеологии оперировали общероссийскими масштабами (в этом смысле идеология была «имперской»)»³⁰

Национальную же политику большевиков Кара-Мурза трактует совершенно однозначно как оптимальное приспособление русского национализма с якобы присущей ему терпимостью к местному национализму малых наций, а не как производную от пролетарского интернационализма.

Такое понимание опасно для нас, в первую очередь, своей антинаучностью, антиисторизмом поскольку, с одной стороны, ПРИНИЖАЕТ стратегию коммунистов до узконациональных рамок,

а с другой – приписывает революции некие «национально-патриотические цели».

И то, и другое совершеннейшая ложь.

- коммунисты всегда имели своей целью не свершение революции в отдельно взятой стране, а революции во всем мире.

- коммунисты не имели никогда империалистических целей (то есть захвата территорий с целью эксплуатации)

- «собрание СССР» имел целью не «воссоздание Российской империи», как «естественно, исторически сложившейся целостности» (интересно, куда в этих построениях из этой целостности у г-на Кара-Мурзы делась Финляндия?), а создание ЕДИНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ страны как целостности, сложившейся не неким «естественно-историческим», а социально-революционным путем.

- инструментом к этому было последовательное проведение политики интернационализма, а не использование интернационализма для «возрождения России».

Деятельность же интернационалистов во время Гражданской войны, в том числе и иностранцев, показывает интернационалистический характер коммунистической политики, освещает всемирное значение КАЖДОЙ пролетарской революции, и долгом каждого коммуниста является защита ее с оружием в руках в случае необходимости вне зависимости от его национальности и гражданства. В настоящее время любое искажение пролетарского интернационализма чревато тем, что сейчас от лица коммунистов все чаще и чаще звучат недопустимые призывы к защите КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО отечества. Наша задача – противопоставить им пролетарский интернационализм, который ярче всего проявляется в защите социалистического отечества людьми всех национальностей.

Август 2005

29. С.Кара-Мурза «Гражданская война (1918-1921) – урок для XXI века» - М.: Алгоритм, 2003.

30. Там же, стр. 223

«...ПОКОЙ НАМ ТОЛЬКО СНИТСЯ»

А. Каллистов

Идёт 87-й год с момента Великой Октябрьской социалистической революции. Практически столько же длится и яростная контрреволюционная борьба, на всех этапах которой бывшие и сегодняшние эксплуататоры вели и ведут непримиримую борьбу с коммунистической идеологией, со всеми народами, строившими и строящими социализм. Причём борьба эта начиналась и продолжается попытками проповедей и внедрением различные идеологические и политические «новации» и «реформы». При этом всё делается, конечно же, с целью «улучшения», «ускорения» и «активизации» процессов коммунистического строительства. И делалось всё это, опять таки, руками пробравшихся к руководству самыми-самыми «верных коммунистов-ленинцев». Сначала это был троцкистско-бухаринский блок – Троцкого, Рыкова, Пятакова, Тухачевского, Ягоды и др. Затем – Хрущёва, Косыгина и др. Далее появились Андропов, Горбачёв, Яковлев, Шеварнадзе и др. Наконец, дошла очередь и до Ельцина с Путиным и прочей компании.

Вокруг этих «ударных сил», как это всегда бывает в подобных случаях, крутились личности и рангом поменьше, но, отнюдь, не менее активные и способные. Как правило, это были, хорошо подготовленные, злые враги и недооценка их всегда дорого обходилась делу строительства коммунистического общества. Причём, действовали они коварно и (для поверхностного ума) малозаметно. Сколько честных, но доверчивых людей было вовлечено ими в ряды так называемой «рабочей оппозиции», в «дискуссию о профсоюзах», в преодоление «культы личности», в ряды проповедни-

ков «преимуществ рыночной экономики при социализме» и «мирного сосуществования государств с разными общественно-политическими системами», созидателей «общенародного государства», а то и вовсе экзотических строителей «социализма с человеческим лицом» и апологетов «свободы, демократии и реформ».

А стало всё это возможным потому, что мы, сравнительно быстро ликвидировав после Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войны общеобразовательную безграмотность, не успели до 1953 года ликвидировать безграмотность научно-теоретическую. В то же время, в тех никогда ещё в истории человечества не встречавшихся общественно-экономических условиях, было крайне необходимо творческое применение марксизма-ленинизма.

В 1991 г. и позднее под лозунгами «свободы», «альтернативности» и «многопартийности» появился целый букет политических партий и движений, в том числе и включающих в своё название слово «коммунистическая» или «коммунистическое». Может показаться странным, но установившийся в России буржуазный режим открыто не препятствовал их появлению. Более того, он даже своеобразно одобрял возникновение подобных организаций, тем самым, поощряя такую раздробленность. Что же касается политических организаций более крупных, претендующих на партийное название, то тактика режима строилась на создании внутри этих партий различных «течений», «платформ» и т.д. с целью разрушения и дискредитации этих партий через внутренние разногласия. Этой же цели служили и организуемые шельмования отдельных

* Редакция журнала «Прорыв» выпустила книгу **«ПОЛИТИЧЕСКИЕ МИФЫ И ОБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ»**, в которой собраны статьи товарища Каллистова с 1997 года по ноябрь 2003 года. В книгу вошли 31 статья из цикла «XX век. Мифы и реальность» и отдельные статьи, письма и ответы оппонентам. Книгу можно приобрести, связавшись с редакцией журнала «Прорыв».

наиболее опасных для режима коммунистов.

Всё это хорошо прослеживается на примере истории Московской организации РКРП, в последствии переименованной в РКРП-РПК. Попытку развала этой организации условно можно разделить на несколько этапов. Так, первым этапом явилась попытка ликвидировать молодую, энергичную и, по сравнению с прежней КПСС, весьма радикальную РКРП организационными методами. Любой ценой надо было ликвидировать или хотя бы уменьшить её растущее влияние на широкие народные массы. Для этого создаются все благоприятные условия для возникновения громкой по названию, но мелкобуржуазной по существу КП РФ во главе со старыми партийными чиновниками, уже проявившими себя весьма далёкими от марксизма политическими функционерами. В этом случае режимом была удачно разработана и использована притягательность «громких» и широко известных имён из прежних партийных функционеров и «большой» партии, располагающей определёнными финансовыми средствами. В год возникновения КПРФ РКРП потеряла около 60% своего состава. Естественно, что уменьшилось и её практическое влияние на трудовые коллективы. Всё это в полной мере коснулось и Московской организации РКРП.

После нанесения серьёзного организационного удара Московской организации РКРП довольно чётко прослеживается следующий этап борьбы внутри партии. В центре этой борьбы оказалась харизматическая личность В.И. Анпилова. Виктор Иванович обладал как рядом достоинств, позволивших ему возглавить Московскую организацию, так и рядом недостатков, первым из которых следует признать агрессивное невежество в вопросах марксистской теории, а

так же амбициозность, породившую мечты стать официальным первым лицом в партии.

Однако всю «прелесть» от работы под руководством такого лидера чувствовала на себе в основном Московская организация. События 1993 года ускорили формирование общепартийного отношения к позиции и действиям анпиловцев. К этому времени, социально-политическое давление в стране подошло к опасной для правящего режима черте. Ельцинистам, по-видимому, в этот момент явился в памяти опыт средневековых врачей, которые пытались лечить гипертонию путём кровопускания у пациента. Вот и они решили учинить в Москве показательную для всей страны кровавую расправу. Были заранее определены и сроки.

В то время Ельцин прямо заявил: «Мы назначаем О П У С (особый порядок управления страной) и начинаем артподготовку». Коммунистам бы насторожиться.

Однако Анпилову, по всей видимости, была подброшена мысль о проведении Всенародного вече 3 октября 1993 г. Обратите внимание на дату: ведь она прозвучала задолго до кровавой вакханалии, учинённой режимом в Останкине. Да, вече собрали, но закончилось оно кровавой бойней, учинённой ельцинистами в тот же день в Останкино и на следующий день у Дома Советов. РКРП была запрещена режимом.

После кровавой расправы ельцинистов над защитниками Дома Советов Анпилов вступил в конфронтацию с партией и её ЦК. В тоже время Анпилов, наконец, сказал свое слово в «теории», до этого он обходился зажигательной публицистикой и пафосной критикой режима. Озвученные взгляды Анпилова на партию, диктатуру рабочего класса, революцию, Советы оказались смесью анархо-синдикализма, троцкизма, наци-

анализа... Это привело к расколу Московской организации и её количественному сокращению на 30%. С качественной стороны это привело к тому, что в Московском регионе наряду с уже известной, но поверхностной «Молнией», появилась газета «Рабочая правда», впервые в московском регионе обратившаяся к текущим проблемам рабочего и коммунистического движения с позиций научной теории. За короткий срок газете удалось завоевать популярность не только в Москве, но и в других регионах России, объем газеты вырос с 4 полос до 16, у нее появился свой сайт.

То есть, в то время, Московская организация РКРП устояла. Но начался третий этап попыток развала организации. На сей раз, был включён в действие механизм «Три Г», как шутили партийцы, имея в виду фамилии главных скандалистов (Гусев, Губкин, Гунько). Центральной составляющей в деятельности этих «активистов», как ни удивительно, оказался политический карьеризм. Все трое претендовали на исключительное место в организации, если не на абсолютное лидерство. Гусев, обиженный, что не его избрали на пост первого секретаря Московской организации, и что его авторитет в организации не слишком-то высок, перепорхнул в КП РФ, где вскоре занял такую же, как занимал в РКРП, должность члена МК, но уже «большой» партии. Губкин начал призывать к взрывам и террору, собирать деньги на «партизанские отряды» и оказался вскоре «в местах не столь отдалённых». Гунько «вошёл в глухой клинч» с МК и стал демонстративно проводить пикеты своих немногочисленных сторонников около музея В.И. Ленина, в «сценарий» пикетов обязательно входило шествие с пением «Интернационала». Внешний вид и вокальные данные митингующих могли напугать и отвратить от социалистических идей кого угодно.

Очередной этап внутрипартийной жизни в МО РКРП прошел под знаменем постоянных споров, которые я бы условно назвал «Долой Подгузова!» Сегодня очевидно стало, что истинно грамотных, хорошо подготовленных, понимающих и умеющих творчески работать людей среди коммунистов очень немного. В КПСС, конечно, была налажена так называемая «политическая учёба» и многие партийные функционеры стремились обязательно окончить ИМЛы, УМЛы, ВПШ, Академию общественных наук и т.п. Но она была организована крайне формаль-

но и поверхностно. Поэтому, когда над страной засвистели злые ветры «перестройки», когда носить звание коммуниста стало не только не выгодно, но и небезопасно, подавляющее большинство таких «грамотеев» дружно открестились от коммунистической идеологии. В российском коммунистическом движении остались единицы, кто принял вызов времени и смело, в полном идеологическом вооружении, научно встал на защиту чистоты марксистско-ленинской теории. Именно они оказались не «билетоносителями», коих в КПСС было почти двадцать миллионов, а той самой живой творческой силой, которая стремится возродить обстоятельное и научное усвоение марксистско-ленинских положений всеми теми, кто не по названию, а по убеждению причисляет себя к коммунистам. К таким товарищам с полной ответственностью, на мой взгляд, можно отнести и В.А. Подгузова.

В то же время, острый дефицит на хорошо подготовленных специалистов привёл к тому, что теоретическими вопросами зачастую стали заниматься весьма среднеподготовленные (это даже в лучшем случае) товарищи, которые со временем, не встречая серьёзных возражений по поводу своих «трудов», возомнили о своих способностях очень высоко. Хуже всего, что такие товарищи, возглавившие в силу кадрового голода, комиссии с громкими названиями (например, «по рабочему движению», «по молодежи»), но с ничтожным штатом и исчезающе малой работой, учиться не хотели.

Ясное дело, что для этих «теоретиков» такие люди, как Подгузов, являются весьма не безопасными в плане научной состоятельности их «трудов». А коль так, запущен был в ход старый приём: «Ату его, ребята!» В тот период в организации дискутировались несколько связанных вопросов – о роли и месте профсоюзов, об экономической борьбе пролетариата, о нашем участии в ней.

Да, конечно, надо прямо признать, что Валерий Алексеевич пишет довольно сложно, иной раз его текст приходится читать неоднократно, чтобы как следует разобраться. Рабочим его статьи под силу далеко не каждому из-за разности уровня подготовки. Но правы его хулители? Возьмём хотя бы только один пример. Подгузов призывает коммунистов и рабочих повышать свой теоретический уровень и на этой базе придавать экономической борьбе политический характер, ставя на первое место организацию раз-

розненных рабочих в класс. Но его упорно упрекают в том, что он, якобы, игнорирует экономическую борьбу. Так где же истина? Что по этому поводу говорит практика? А она ясно и конкретно говорит о том, что пролетариат с момента его появления на политической арене много веков ведёт экономическую борьбу. Это особенно ярко видно на примере западноевропейских рабочих. А что толку? А вот стоило ленинской партии вооружить рабочий класс революционной теорией, поднять экономическую борьбу до уровня революционного действия, как это сразу же позволило трудящимся во главе с рабочим классом и его партией взять власть в свои руки и создать государство диктатуры пролетариата.

Ну, и, наконец, одна из последних попыток всё-таки взорвать относительную устойчивость Московской организации при помощи так называемой «революционной стратегии борьбы» или РСБ, как её ещё сокращённо называют. Уже один изыск расстановки слов, в отличие от простого и понятного «стратегия революционной борьбы» (или так же по аббревиатуре – СРБ) чего стоит! Честно говоря, сложно чего-либо добавить к документу ЦК РКРП-РПК от 11 июля 2004 г., в котором дана правильная марксистская оценка РСБ как непродуктивного пути развития. Вот разве только то, что, по-моему, сторонники теории РСБ сами толком не ведают, откуда эту абракадабру им ветер принёс. Так или иначе, но сторонники РСБ в Московской организации продолжают продавливать свою «поделку», пользуясь, в том числе и тем, что они всё ещё пока преобладают в руководстве Московской организации РКРП-РПК. На сегодня сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны организация, которая в целом не поддержала идею «платформы РСБ» в партии, а с другой стороны получается, что руководство Московской организации выступает против рядовых коммунистов.

Нелепость ситуации разрослась до такой степени, что объективно не могла не перешагнуть через ограничительные рамки и не отразиться на страницах журнала «Прорыв». Более того, она чуть было не переросла в заурядную перебранку, когда на статью в нашем журнале была дана в дискуссионном бюллетене «ответь» главного «проталкивателя» РСБ. Но эта «ответь», как это традиционно почти всегда бывало у данного автора, не достигла своей цели: видимо, за отсутствием серьёзных аргументов, она была заменена буквоедством и мелкими придирадками, но,

отнюдь, не разговором по существу.

Вот и я предлагаю, чтобы читателю наглядно была понятна суть противостояния РСБ и СРБ (расшифровка аббревиатур дана в данной статье ранее), кратко рассмотреть их позиции на примерах конкретных проблем революционной борьбы. Для удобства чтения мы обозначим каждую проблему порядковым номером. Итак

1) Можно ли трудовому народу вернуть себе государственную власть каким-либо иным способом, кроме революционных действий?

СРБ – нет.

РСБ – нет.

2) **Означает ли это, что никакими другими формами борьбы с режимом, кроме революционных действий не следует заниматься?**

СРБ – в период созревания революционной ситуации не следует пренебрегать какими-либо, в том числе и легальными, способами борьбы с режимом.

РСБ – использование легальных способов борьбы с режимом уводит партию с революционного пути, а потому к революции привести не может.

3) **На какие классовые силы должна опираться партия в ходе подготовки ко Второй социалистической революции?**

СРБ – на рабочий класс. Но именно на класс, а не просто на разрозненных рабочих. Поэтому первостепенная задача на сегодня – это организовать рабочих в рабочий класс, вооружить его революционной теорией, идеологически отмежеваться от оппортунистов и ревизионистов.

РСБ – рабочий класс есть, но он слаб, слаб и его авангард – партия. Но, невзирая на это, надо готовить партию и массы к революции, к жёсткому варианту взятия власти.

4) **Означает ли жёсткий вариант то, что начинать революцию надо прямо с военных действий?**

СРБ – Революция должна начинаться с организованных действий по захвату власти. Насилие, в том числе и вооружённое, потребуется в случае (а вероятность этого почти 100%) неизбежного вооружённого сопротивления буржуазного режима.

РСБ – Да, означает. Буржуазия на 100% ответит на революцию вооружённым противодействием и ждать этого не следует.

5) **Можно ли начинать революцион-**

ные действия при отсутствии революционной ситуации?

РСБ – при отсутствии революционной ситуации революция обречена на поражение. Революционная ситуация возникает тогда, когда эксплуатация капиталом трудящихся достигает такой величины и остроты, когда даже аполитичные трудящиеся понимают, что дальше выжить, приспособившись к режиму, невозможно. Одновременно с отсутствием поддержки внутри страны правящий режим резко ослаблен в результате экономического кризиса, борьбы за передел мировых рынков, конкуренцией монопольных капиталистических группировок и т.п.

РСБ – революционной ситуации сейчас нет, но её можно и нужно создать усилиями компартии на основе РСБ.

б) Допустимы ли в период подготовки Второй социалистической революции легитимные и нелегитимные способы борьбы? Следует ли использовать легитимные мероприятия для агитации и пропаганды как способа сплочения трудящихся вокруг рабочего класса и его партии?

РСБ – для пропаганды и агитации в пользу революционных действий следует использовать все формы как легальные, так и нелегальные, как легитимные, так и нелегитимные. Буржуазный режим захватил власть, поправ все законы государства трудящихся. Нет никаких оснований преклоняться перед буржуазными «незаконными законами», тем более, что сама власть выполняет их только тогда, когда это ей выгодно. О нелегитимных способах писать ничего нельзя, их нужно применять и всё. Стенания сторонников РСБ о том, что им мешают продавливать стратегию РСБ, что их акции протеста не пользовались поддержкой партии, что РСБ ведётся только в легальных формах, что не пересмотрена политика в отношении политических заключённых, что на сторонников РСБ наклеивают ярлыки, что в партийных документах нет ничего о

нелегитимных методах борьбы соответствуют действительности, т.к. РСБ способна только нанести ущерб делу подготовки Второй социалистической революции.

РСБ – использование легитимных форм борьбы должно быть третьестепенным и минимальным. РСБ в ходе использования легитимных методов допускает реформизм, участвуя в выборах, заражается парламентским кретинизмом, не агитирует за революцию. Однако, как это ни смешно, но за годы, пока сторонники РСБ руководят Московской организацией, удельный вес работы по участию в выборах, сбору подписей, обсуждению необходимости и форм участия в выборных компаниях только возрос.

7) Стоит ли участвовать в мероприятиях левой оппозиции для пропаганды революционных идей или лучше дать оппортунистам широкое поле деятельности для работы с населением по их лозунгам?

РСБ – да, стоит, т.к. это позволит массам разобратся, где подлинные коммунисты, а где мнимые, кто действует в их интересах, а кто в интересах буржуазии.

РСБ – надо проводить только свои мероприятия, невзирая на их малочисленность.

Таким образом, анализ событий последних лет позволяет прийти к выводу, что РКРП-РПК имеет все шансы не только уцелеть, но найти думающих сторонников Московской организации, хотя её ещё ждут тяжёлые идейные и организационные испытания. Ясно, что РСБ является инструментом для её раскола, а в случае индифферентного отношения ЦК и ЦКК к этой проблеме – и для разложения организации. Поэтому можно только сожалеть о том, что вместо борьбы в рамках организации отдельные товарищи или отходят в сторону, или вообще уходят. Думаю, что большинство коммунистов разберутся в сути проблемы и не дадут увести организацию с пути научного коммунизма.

Май 2005

ЛИСТОВКА

УБЕЖДАЮЩИЕ АРГУМЕНТЫ
ЗА КОММУНИЗМGEGEN DIE STROMUNG

От редакции. Необходимо честно признать, что вся уже проведенная в городских коммунистических организациях Московского региона листовочная работа, оказалась малопродуктивной. Одна из причин такого положения вещей состоит в том, что до сих пор, руководители и идеологический актив московских организаций уделяли минимум внимания изучению как научных основ пропаганды и агитации, так и исторического опыта большевиков-ленинцев. А ведь, строго говоря, в истории мирового рабочего и коммунистического движения нет примеров более продуктивной работы на листовочном «фронте», чем у большевиков-ленинцев.

Пожалуй, наиболее типичным, а зачастую и единственным знанием, которое твердо усвоили современные руководители о технологии написания листовок и всегда ставят его во главу угла, - это огульное утверждение, что листовка должна быть... КОРОТКОЙ. Но если бы современные коммунистические руководители посмотрели в «святцы», т.е. в сборники большевистских листовок периода трёх русских революций XX века, то они бы удивились пространности этих многостраничных «листовок». В них было очень мало политической трескотни, а приводились только бесспорные факты и давалось принципиальное, НАУЧНОЕ их разъяснение. Образно говоря, на такие листовки люди шли.

Представляется, что нашим читателям будет интересно познакомиться с содержанием именно пространной листовки, пришедшей в редакцию от наших товарищей из Германии. Особенно хочется поблагодарить наших немецких товарищей за то, что они прислали её уже переведенной на русский язык. Мы уже знакомили наших читателей с творчеством группы GEGEN DIE STROMUNG («Против течения») в номере 2 (8) 2004.

Как только в московском регионе мы найдем коммунистическую листовку, которую не стыдно будет послать немецким товарищам, мы её тоже переведем, естественно, на немецкий язык. Иными словами, редакция журнала объявляет конкурс на лучшую коммунистическую листовку московского региона. Листовка-победительница будет не только помещена в журнале, не только размножена тысячными тиражами, но и переведена на немецкий язык и, следовательно, через Интернет выйдет на международный уровень.

Текст листовки нами не редактировался.

На коммунизм клеветают более чем 150 лет. К тому же его дискредитировали полицейско-государственными карикатурами по поводу коммунистических идей Карла Маркса: начиная с псевдокоммунистов СССР, ГДР и других ревизионистских странах, которые, самое позднее с середины 50-ых годов, покинули путь к коммунизму, создавши под маской «социализма» скверную копию западных капиталистических государств, перед тем как реставрация капитализма

была проведена совершенно открыто.

В чём же состоит цель коммунизма? Утопия ли это, которую не достичь никогда, потому что человек всё-таки просто-напросто «злой по натуре», или же коммунизм - прекрасный, но совершенно нереальный идеал? Или вообще, «дьявольские нагромождения лжи заговорщиков евреев-большевиков, в поисках только своей выгоды», как это пропагандируют фашисты? Клеветы на коммунизм и искажений его сущности

всё больше и больше. Это не удивляет, так как жестокая реальность нынешнего капитализма, в его империалистическом проявлении, взывает к ликвидации империализма, к отмене системы прибылей, к обобществлению средств производства т.е. к коммунизму.

Нескончаемая череда грабительских войн, обострение эксплуатации и нищеты до массовых эпидемий голода, убивающих ежегодно по 30 миллионов людей, которые бы могли бы быть прокормлены, если, смотря с точки зрения „проклятьем заклеянных голодных и рабов», распределение продукции велось бы разумно, а не в рамках идиотского рыночного изобилия... на витринах и на свалках. Всё это находится в резком противоречии со всё больше увеличивающимися и проявляющимися возможностями решить основные проблемы широких масс мирового населения, если учесть гигантский технический прогресс, если учесть накопившиеся чудовищные богатства, если учесть 800 миллиардов долларов, тратимых ежегодно во всём мире на вооружение, которое кажется разумным только монополистам и т.д. Господа этой земли убивают, мародёрствуют, растрачивают да разбазаривают и вынуждены всё больше и больше лгать: «Нет системы, лучше этой. С этим надо примириться».

Тем важнее добиться ясности: ясности о том, почему и с какой целью должна быть преодолена и уничтожена вся капиталистическо-империалистическая система. Ясность о цели коммунизма, почему коммунизм является разумным и реальным и для кого!

Цель листовки- дать толчок для изучения научного коммунизма, в борьбе за коммунизм, в борьбе за построение коммунистической партии и поддержать это...

• Краткая характеристика коммунистического общества

В 1927 году Сталин дал самый чёткий набросок коммунистического общества:

«Общая характеристика дана в трудах Маркса, Энгельса и Ленина, Если дать вкратце анатомию коммунистического общества, то это будет такое общество:

а.) где не будет частной собственности на орудия и средства производства, а будет собственность общественная, коллективная;

б.) где не будет классов и государственной власти, а будут труженики ин-

дустрии и сельского хозяйства, экономически управляющиеся, как свободная ассоциация трудящихся;

в.) где народное хозяйство, организованное по плану, будет базироваться на высшей технике как в области индустрии, так и в области сельского хозяйства;

г.) где не будет противоположности между городом и деревней, между индустрией и сельским хозяйством;

д.) где продукты будут распределяться по принципу старых французских коммунистов: «каждого по способностям, каждому по потребностям»;

е.) где наука и искусство будут пользоваться условиями достаточно благоприятными для того, чтобы добиться полного расцвета;

ж.) где личность, свободная от забот о куске хлеба и необходимости подлаживаться к «сильным мира», станет действительно свободной. И т.д. и т.п.» (Сталин, «Беседа с первой американской рабочей делегацией», 1927г., сочинения, том 10, стр. 133-134)

Аргументы за общественную собственность на средства производства излагаются в этом абзаце, где объясняется, почему «коренной основой коммунистического общества является... экспроприация экспроприаторов», как это уже указал Маркс в 1871 году в своём сочинении «Гражданская война во Франции»:

«Коммуна, восклицают они, хочет уничтожить собственность, основу всей цивилизации! Да, милостивые государи, коммуна хотела уничтожить эту классовую собственность, которая превращает труд многих в богатство немногих. Она хотела экспроприировать экспроприаторов. Она хотела сделать индивидуальную собственность, реальностью, превратив средства производства, землю и капитал, служащие в настоящее время прежде всего орудиями порабощения и эксплуатации труда, в орудия свободного ассоциированного труда. - Но ведь это коммунизм, «невозможный» коммунизм!» (Маркс, «Гражданская война во Франции - III», избранные произведения, 1980г., т. 2, стр. 242)

Отличительная черта коммунистического общества - учитывая производство, которое тех-

нически так и так осуществляется только коллективом, в коммунистическом обществе средства производства не могут больше быть использованы капиталистами в качестве эксплуатации, они не могут быть больше их «личной собственностью». При капитализме, уже сколько столетий, индустриальное крупное производство является в целом так и так уже «общественным»... Теперь же, является важным, поставить под общественный контроль и планирование это уже существующее общественное производство. Именно таким образом можно не только удалить эксплуатацию, но и повысить продукцию в интересе производителей, можно легче производить средства для жизни, лучше разделять и распределять их.

• **Коммунизм — общество без классов и без государства**

Дальнейшим признаком коммунизма является бесклассовое общество. Сначала удаляется класс эксплуататоров. Но, «что касается удаления классовый разницы между трудящими, как, например, между рабочими и крестьянами, то это уже довольно трудное, на долго рассчитанное дело... Гигантский прогресс в технике производства делает возможным, что основные различия между промышленностью и сельским хозяйством стираются. С ними уходят и различия в работе того или иного работающего человека, а отмена всякого владения средствами производства служит основой принципиального равенства всех людей в высшем периоде коммунизма... Таким способом, государство, как машина угнетения, постепенно отмирает, когда все люди принципиально равные и свободные, все вместе возьмут сами в свои руки своё производство и всю свою жизнь.

Как сказал Энгельс на эту тему:

«Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором.» (Энгельс, «Происхождение семьи, частной собственности и государства», избранные произведения, 1980г., т. 3, стр. 366)

Применяя это на весь мир, отсюда вытекает следующее: государственные границы теряют свой смысл и исчезнут, когда не останется больше места для национального угнетения, национальные различия будут устранены, все страны

и нации сплотятся в мировом коммунизме.

• **Запланированная по потребностям коммунистического общества, научно организованная и технически высоко развитая, экономия**

Метод беспощадной конкурентной борьбы доходящей до грабительских войн, метод подстрекательства конкурентной борьбы между рабочими, политики «разделяй и властвуй», был уничтожен путём социалистической революции. Коммунистическое общество развивается совместно работающими людьми, которые берутся за проблемы и решают их планомерно и научно.

В дальнейшем тексте листовка излагает, как это можно осуществить. При этом является центральным, что целью производства не является больше достижение максимальной прибыли. По этому поводу Энгельс заметил:

«Дарвин не подозревал, какую горькую сатиру он написал на людей, и в особенности на своих земляков, когда он доказал, что свободная конкуренция, борьба за существование, прославляемая экономистами как величайшее историческое достижение, является нормальным состоянием мира животных. Лишь сознательная организация общественного производства с планомерным производством и планомерным распределением может поднять людей над прочими животными в общественном отношении точно так же, как их в специфически биологическом отношении подняло производство вообще. Историческое развитие делает такую организацию с каждым днём всё более необходимой и с каждым днём всё более возможной.» (Энгельс, «Диалектика природы», сочинения К.Маркса и Ф.Энгельса т. 20, стр. 359)

Кроме того, перестанет существовать большое количество бессмысленных расходов, таким образом освободятся ресурсы (страхование, реклама и т.д.), развитие технологии ужасно облегчит производство. Как установил Маркс:

«... Так как машина сама по себе сокращает рабочее время, между тем как её капиталистическое применение удлиняет рабочий день; так как сама по себе она облегчает труд, капиталистическое же её применение повышает его интенсивность; так как сама по себе она знаменует победу человека над силами природы, капиталистическое же её приме-

нение порабощает человека силами природы; так как сама по себе она увеличивает богатство производителя, в капиталистическом же применении превращает его в паупера и т.д.» (Маркс, «Капитал», Москва 1973г., т. 1, стр.451)

На основе высокоразвитого индустриально-го и технологизированного человеческого производства станут ненужными и вымрут большое число административных функций государства. Это является важным условием для построения бесклассового и безгосударственного коммунистического общества. Как заметил Ленин:

«Капиталистическая культура со-здавала крупное производство, фабрики, железные дороги, почту, телефон и пр., а на этой базе громадное большинство функций старой „государственной власти» так упростилось и может быть сведено к таким простейшим операциям регистрации, записи, проверки, что эти функции станут вполне доступны всем грамотным людям, что эти функции вполне можно будет выполнять за обычную «заработную плату рабочего», что можно (и должно) отнять у этих функций всякую тень чего-либо привилегированного, «начальственного»». (Ленин, «Государство и революция», Пекин 1971г., стр. 57)

• При коммунизме вымрут всемирные противоречия между городом и деревней

В каждой стране, а так же во всём мире существует уклон к принципиальному противоречию между городом и деревней. На эту тему листовка пишет: «Коммунистическое общество... планомерно устранил этот уклон, в процессе отменит всех классовых противоречий во всём мире, как и в каждой в отдельности стране и отменит противоречия между городом и деревней.»

Почему требование «Каждого по способностям, каждому по потребностям» является коренной точкой осуществлённого коммунизма?

Сначала выясняется, что после социалистической революции «...Общество ещё тянет за собой старые структуры, предрассудки и поддаваясь власти привычки, глубоко впившееся прежнее поведение человека. На вопрос: Что считается справедливым? Пока ещё будет следовать такой ответ: «Когда каждого оплачивают за совершённый труд! Тот, кто работает больше и квалифицированнее, должен получать больше продуктов!»

Описывается, что это уже можно считать за огромный успех, если масса трудящихся получает заработную плату или социальные услуги, за то, что они заработали. Но, «..намеченный основной принцип коммунизма «Каждого по способностям, каждому по потребностям»... ещё не осуществлён намеченная высшая ступень коммунизма ещё не достигнута. Это огромная разница, *«Работаю ли я подчиняясь нужде, для того чтобы выжить, или работаю ли я потому, что работа сама стала настоящей потребностью».* Благодаря выше описанному высокоразвитому уровню техники, хорошо обдуманному планированию, будут производиться продукты в более чем достаточном количестве за короткое время для всех разумных потребностей человека. Принуждение работать специалистом, подчинённому разделению труда, производя действующую на нервы одну и ту же работу, будет всё больше и больше отпадать. Возможность учиться и расширять свои знания и способности, прибывать работать в других областях работы - всё это сначала развивается и явно облегчает работу, доходя наконец до момента, когда работа, в качестве смысла жизни приобретает центральное значение. Каждый работает по своим способностям и каждый живёт по своим потребностям...

На эту тему Маркс:

«На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своём знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!» (К. Маркс и Ф. Энгельс, «Критика Готской программы» Избранные произведения в трёх томах т. 3, стр. 16)

• **Прцветание наук и искусства при коммунизме (отмирание основных противоречий между умственным и физическим трудом)**
Сначала утверждается, что при империализме су-

существует пропасть между широкой массой трудящихся, эксплуатируемых, которые тяжело работают в индустрии, как и в сельском хозяйстве и теми людьми, которые могут работать научным умственным трудом и заниматься искусством. При этом, в империализме наука используется в качестве орудия против рабочих и работниц. Ученые, которые работают в производственной медицине, психологи, занятые в полиции и научные финансисты - все хотят закручивать гайки. В коммунизме, каждый человек работает и является одновременно деятелем искусства. С самой молодости важно широко ознакомиться со всеми областями знания человеческой жизни и природы, «загореться этим» и никогда не переставать учиться, изучать, научно работать.

И в конце концов: *Противоречие между производством с одной стороны и наукой да искусством, с другой, будет удаляться с устранением противоречия физического и умственного труда — ключом к этому служит изменение всего характера работы с повышением уровня производства.*

В продолжение абзаца, в листовке речь идёт о том, что при коммунизме так же перестанет играть роль религия, которая, с одной стороны - опиум для народа, а с другой - средство власти в руках правящих, чтобы эксплуатировать и угнетать. Национализм, как идеологию эксплуатации, который раскалывает людей, а не объединяет, тоже наконец-то похоронят.

• Почему при коммунизме, свободное развитие каждого является условием для свободного развития всех

Существует антикоммунистический предрасудок, что коммунизм стремится уравнивать людей, не обращая внимания на их различия и личности и создаёт, так сказать, «штампованных

кукол, клонированных, заранее настроенных и безвольных людей.»

Против этого листовка излагает: «Дело не в том, что все люди должны быть «равны», а в том, что они должны иметь равные права против всякой дискриминации, равное достоинство и равную возможность для развития, сохраняя при этом свои особенности и своеобразие». В манифесте коммунистической партии об этом пишется, что в коммунизме «свободное развитие каждого - является условием свободного развития всех.» (К.Маркс и Ф.Энгельс «Манифест Коммунистической партии», избранные произведения, 1980г., т. 1, стр. 127)

• Почему при коммунизме тоже существуют борьба и противоречия, но они могут быть решены и будут решены продуктивно

Однако, что касается столкновения с природой с одной стороны и столкновения людей между собой, с другой - обе эти большие борьбы человечества, которые не перестанут существовать, до тех пор, пока существуют люди, приобретут совсем другой характер. «Борьба» между людьми не будет классовой и не будет вооружённой, а будет борьбой с аргументами на основании разного опыта и разного уровня знания, разных интересов, которые так и так не угрожают и не ставят под вопрос существование отдельного человека. Цель «борьбы» с природой - это осмысленное и сознательное преобразование природы, рассчитанное на долгое время, в долговременном интересе человечества. Но это огромная разница по сравнению с прежними «борьбам» во всемирной истории.

Коммунизм достижим только путём насильственной пролетарской революции, в которой будет разбит буржуазский государственный аппарат и будет создана диктатура пролетариата.

Апрель 2005

Редакция журнала «Прорыв»

**Мартынов Ю. М.(гл.ред.), Подгузов В. А.(зам.гл.ред.),
Петрова О. Б.(тех.ред.), А.Лбов, В.Шпаков.**

Наши контакты:

Почтовый адрес : **109378 г. Москва, улица Федора Полетаева,
дом 15, корпус 1, квартира 79,
Петровой О.Б.**

Электронный адрес: **editors@proriv.ru, petrova@proriv.ru**

Телефоны: **378-37-59 Петрова О. Б.
387-16-00 Мартынов Ю. М.**

Посетите наш сайт в Интернете **www.proriv.ru**.

Там вы найдете статьи наших авторов в рубриках: экономика, политика, философия, этика, история, военные вопросы, рецензии и критика, политическая публицистика, юмор, большую подборку коммунистической музыки.

На наш журнал можно подписаться. Для этого нужно написать в редакцию письмо или связаться с ней по телефону, и с этого времени Вы будете получать наши журналы по почте или лично. Цена одного экземпляра с учетом почтовых расходов 25 рублей.

Редакция работает на общественных началах. Рукописи редакцией не рецензируются, не редактируются, не корректируются и не возвращаются.

Зарегистрирован Центральным территориальным управлением Министерства Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовой информации. Свидетельство о регистрации ПИ №1-00915 от 20 декабря 2002 г. Учредитель Петрова О.Б. Цена свободная. Тираж 1000. Объем 66 стр. формата А4. Подписано в печать 06.09.05